

АКАДЕМИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ПРИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КАКИМБЕКОВ АЛИБЕК ОНДАСЫНУЛЫ

Институт процессуального соглашения в форме сделки о признании вины и
международные стандарты справедливого уголовного процесса

Диссертация на соискание степени
Магистра юридических наук
По специальности «6М030300-Правоохранительная деятельность»

Научный руководитель:
Старший преподаватель
Академии правоохранительных органов
при Генеральной Прокуратуре РК
Тулеева М.Е., магистр юриспруденции

Косшы, 2020 год

РЕЗЮМЕ/ТҮЙІНДЕМЕ/SUMMARY

Диссертация состоит из введения, обозначений и сокращений, двух разделов, четырех подразделов, заключения и списка использованных источников.

В ходе диссертационного исследования проведен анализ отечественной и зарубежной литературы, изучена история становления института процессуальных соглашений, исследованы статистические данные и судебно-следственная практика.

Автором разработаны предложения по усовершенствованию отдельных уголовно-процессуальных и уголовно-правовых норм, а также Нормативного постановления Верховного суда РК «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве».

Диссертация кіріспеден, белгіленуден және қысқартудан, екі бөлімнен, төрт бөлімнен, қорытындыдан және пайдаланылған дереккөздер тізімінен тұрады.

Диссертациялық зерттеу барысында отандық және шетелдік әдебиеттерге талдау жасалды, процестік келісім институтының қалыптасу тарихы зерттелді, статистикалық мәліметтер мен сот-тергеу тәжірибесі зерттелді.

Автор қылмыстық-процестік және қылмыстық заңдардың, сондай-ақ Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының «Соттардың қылмыстық істер бойынша келісімдік тәртіпте іс жүргізу практикасы туралы» Нормативтік қаулысының жекелеген нормаларын жетілдіру бойынша ұсыныстарды әзірледі.

The dissertation consists of introduction, notation and abbreviations, two sections, four subsections, conclusion and list of sources used.

During the dissertation research, an analysis of domestic and foreign literature was conducted, the history of the formation of the institution of procedural agreements was studied, statistical data and judicial-investigative practice were studied.

The author has developed proposals for improving certain criminal procedural and criminal law norms, as well as the Normative Decree of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan "On the practice of courts reviewing criminal cases in conciliation proceedings".

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	4
ВВЕДЕНИЕ	5 – 10
1. ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ В ФОРМЕ СДЕЛКИ О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ	
1.1 Понятие и назначение института процессуального соглашения о признании вины	11 – 26
1.2 Сделка о признании вины в праве зарубежных государств	26 – 44
2. РЕАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА СДЕЛКИ О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ В СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	
2.1 Организационно-правовые аспекты досудебного производства при заключении сделки о признании вины	45 – 65
2.2 Организационно-правовые аспекты рассмотрения уголовного дела в суде в согласительном производстве	65 – 86
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	87 – 92
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	93 – 98

Обозначения и сокращения

Концепция, Концепция правовой политики	Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года»
США	Соединенные Штаты Америки
РК	Республика Казахстан
УК	Уголовный кодекс
УПК	Уголовно-процессуальный кодекс
ГП	Генеральная прокуратура
МВД	Министерство внутренних дел
НП ВС РК	Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан
ФРГ	Федеративная Республика Германии
РФ	Российская Федерация
ПП ВС РФ	Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации
ПС	Процессуальное соглашение
ДР	Досудебное расследование
УДР	Ускоренное досудебное расследование
СР	Судебное разбирательство
ЕРДР	Единый реестр досудебных расследований
ЗРК	Закон Республики Казахстан

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшим гарантом прав личности, в том числе и тех, кто вовлекается в орбиту уголовного процесса, будь он правонарушителем или потерпевшим, является Конституция Республики Казахстан, провозглашающая, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью в государстве. [1]

В соответствии с требованиями Конституции Республики Казахстан в Концепции правовой политики одними из основных направлений реформирования уголовной политики обозначено упрощение уголовно-процессуального права, а также его совершенствования путем законодательного развития института процессуального соглашения. [2]

В связи с увеличением разнообразия схем совершаемых преступлений и периодическим ростом уровня преступности возникла необходимость в оптимизации уголовного судопроизводства путем его упрощения, так как экстенсивное решение данной проблемы путем увеличения штатной численности правоохранительных органов явилось неприемлемым.

Процесс реформирования уголовно-процессуального законодательства в нашей стране планомерно набирает обороты. Проводимая в Казахстане судебно-правовая реформа значительно повысила интерес к учету положительного опыта организации и законодательной регламентации правосудия, сформировавшейся в зарубежных странах. Одним из направлений современной уголовной политики в практике зарубежных государств является последовательное сужение объема применения наиболее строгих видов уголовного наказания за счет более мягких уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией от общества.

Формы упрощенного порядка производства по уголовным делам существуют практически во всех современных правовых системах как англосаксонской, так и романо-германской правовой семьи, однако их правовая природа различна. Институт так называемой «сделки о признании вины», наиболее распространенный и известный в уголовном судопроизводстве США как «plea bargain», в последнее время получил широкое распространение на постсоветском пространстве.

В качестве позитивных качеств этой процедуры можно признать ее быстроту и наличие признаков разрешения уголовно-правового конфликта на основе взаимного согласия сторон, а также экономичность, так как уменьшается косвенный ущерб, который выражается в расходах государства как по определенному уголовному делу, так и на содержание правоохранительных и судебных органов.

Вместе с тем, на сегодняшний день сложилась парадоксальная ситуация, когда Концепция провозглашает различные вариации упрощения и смягчения уголовной политики, а принимаемые изменения в уголовное законодательство направлены на ужесточение наказания. Об этом свидетельствуют изменения и дополнения, вносимые в действующий уголовный закон по тем же кражам.

Стоит отметить, что причинами данных изменений стал запрос общества в ответ на многочисленные преступления, вызвавшие большой общественный резонанс.

При этом, забегаая вперед, хотелось бы отметить, что процессуальное соглашение это, все-таки, в основной своей части процессуальный институт, направленный на упрощение длительных, временами излишних процессуальных процедур, хотя и тесно связан с материальным уголовным правом.

Противники рассматриваемого института утверждают, что процессуальные соглашения являются позором для правосудия и представляют из себя «торговлю справедливостью».

И все же при правильном подходе к институту процессуального соглашения пользы от его применения как для уголовно-процессуальной деятельности, так и для общества в целом, намного больше чем вреда.

Здесь следует отметить, что согласно статье 53 УК РК чистосердечное раскаяние, явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления относятся к обстоятельствам, смягчающим уголовную ответственность и наказание. Таким образом, смягчение наказания за признание уже существует в действующем законодательстве. А институт процессуального соглашения более подробно регламентирует процессуальную сторону и гарантии для подсудимого, заменяя «неконкретные смягчающие обстоятельства». В целом как для обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность и наказание, так и для процессуального соглашения первоосновой выступают материально-правовые нормы (вопрос наказания).

Поэтому на современном этапе успешная реализация приоритетных национальных проектов, решение актуальных общественно-значимых задач напрямую обусловлены проведением сбалансированной правовой политики, где требуется максимальный прагматизм, который учитывал бы не только собственный опыт и практику, но, при необходимости, заимствовал отвечающие нашим национальным интересам институты из других, пусть традиционно не свойственных для нас правовых систем, доказавших на деле свою эффективность.

Итак, потенциал, заложенный в основе данного института, позволяет подойти к упрощению процессуальной формы с позиции признания стороной защиты своей вины, как проявление его воли, что способствует ускорению процесса доказывания и позволяет избежать длительной и часто дорогостоящей процедуры досудебного расследования и судебного разбирательства.

Данное обстоятельство особенно становится актуальным в современный период развития казахстанской системы уголовного преследования и правосудия, когда правоохранительные органы и суды буквально «завалены» жалобами граждан и уголовными делами.

По мнению Шнайдера Г.Й. «Опора на соответствующие принципы уголовной политики обещает большой успех в восстановлении человеческих отношений между преступником и жертвой, а также в возмещении вреда, нежели наказание преступника». [3]

Мнение ученного сообщества и практиков существенно разнятся, от полного восприятия до абсолютного отчуждения и порождают массу споров.

Вместе с тем, в указанных работах наряду с теоретическими доводами и выводами недостаточно данных, основанных на статистике и анализе правоприменительной практике.

Так, если раньше после проведения доследственных проверок к следователю поступал только 1 из 10 материалов для возбуждения уголовного дела, т.е. существовал своего рода «фильтр», то с введением в действие УПК РК 2014 года с отменой стадии возбуждения уголовного дела все заявления, содержащие признаки преступлений, отнюдь не означающие наличие всех признаков состава преступления, стали напрямую попадать на рассмотрение следователям, что увеличило их нагрузку в разы. Соответственно работники органов, осуществляющих досудебное расследование, были поставлены в такое положение, что качество расследования уголовных дел «отошло в сторону» в сравнении с необходимостью завершить расследование в срок независимо от его результатов.

Вышеуказанные обстоятельства определили актуальность избранной темы исследования.

Основной целью исследования является изучение института процессуального соглашения в форме сделки о признании вины путем проведения сравнительного анализа отечественного и зарубежного законодательства, выявления порядка и условий заключения процессуального соглашения и возможные последствия, освещение проблемных вопросов и путей их решения.

Указанная цель предопределила следующие направления исследования:

- определение обстоятельств, повлиявших на появление согласительного производства в уголовном процессе Казахстана;
- изучение и анализ научной и нормативной базы, статистических данных, практики применения сделок о признании вины;
- исследование сходных со сделкой о признании вины институтов и определение их отличий;
- формулирование на основе полученных в результате исследования данных научно-обоснованные предложения, выводы и рекомендации по совершенствованию законодательства.

Объектом диссертационного исследования являются правоотношения, складывающиеся между участниками уголовного процесса при реализации положений института процессуального соглашения в форме сделки о признании вины.

Предметом исследования являются нормы национального и зарубежного уголовного, уголовно-процессуального и другого законодательства, регулирующие вопросы заключения сделок о признании вины, научные публикации по исследуемому вопросу, а также судебно-следственная практика, статистические данные.

Методологическая и теоретическая основы исследования. В процессе работы над диссертацией автор планирует использовать такие методы исследования как исторический, сравнительно-правовой, диалектический, статистический анализы.

Теоретическую базу данного исследования составили труды ученых в области зарубежного и отечественного уголовно-процессуального, уголовного, гражданского законодательства, а также иная научная и юридическая периодическая литература.

Эмпирическую базу исследования составили данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам ГП РК, результаты изучения уголовных дел и судебных решений.

Нормативно-правовую базу исследования составили уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Казахстана, России, Грузии, Украины, США, Германии.

Степень разработанности. Следует отметить, что отношение к институту сделки о признании вины среди ученых и практических работников неоднозначно, и данный институт имеет как своих сторонников, так и противников.

Так, положительно характеризуют саму идею процессуальных соглашений Джекебаев У.С., Сарсенбаев Т., Сарсенбаева Б.Б., Бердыгулова Ж.К., Юрченко Р.Н., Джансараева Р.Е., Кененбаев Е.А., Бычкова С.Ф., Федотова Д.В., Исмаилов Б.И. и другие.

Противниками выступают Головки Л.В., Петрухин И., Михайлов П., Великий Д.П., Хан В.В., Абдрашев Р.М. и другие.

Несколько среднее положение, с критикой отдельных моментов исследуемого института, выражают Канафин Д.К., Берсугурова Л.Ш., Прокопова А.А., Ахпанов А.Н., Казиев З.Г. и другие.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации исследованы и оглашены недостаточно изученные проблемы, связанные с ролью института процессуального соглашения в форме сделки о признании вины в казахстанском уголовно-процессуальном и уголовном законодательстве. В работе дается комплексный анализ правовых норм, регулирующих применение процессуального соглашения как на досудебной стадии уголовного процесса, так и на стадии судебного разбирательства, обосновываются новые теоретические положения, предложения по совершенствованию соответствующих норм уголовно-процессуального закона и практике их применения.

Научная новизна настоящего исследования выражается также в основных положениях, выносимых на защиту.

Положения, выносимые на защиту.

1. Наличие в деле документов о ранее поданном ходатайстве о заключении процессуального соглашения, которое однако впоследствии было отозвано самим подозреваемым либо отклонено прокурором, может сформировать обвинительный уклон у судьи.

В этой связи, раздел 13 УПК РК необходимо дополнить нормой о запрете использования ходатайства подозреваемого и его признательных показаний в случае расторжения соглашения.

2. Толкование части 4 статьи 617 УПК РК предусматривает, что прокурор, подписывая процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины, направляет уголовное дело в суд без обвинительного акта. Данное обстоятельство подразумевает отсутствие стадии ознакомления с материалами уголовного дела как обвиняемым, так и потерпевшим.

На основании изложенного, предлагается статью 617 УПК РК дополнить нормой о приобщении к делу протокола ознакомления с материалами уголовного дела.

3. Недостаточное нормативное регулирование вопроса отказов прокурорами в заключении процессуальных соглашений.

В связи с чем, предлагаем пункт 4 статьи 615 УПК РК дополнить следующим содержанием: «В случае отказа в удовлетворении ходатайства о заключении процессуального соглашения прокурор выносит мотивированное постановление».

4. Соглашение хоть и называется «В форме сделки о признании вины», но в УПК РК отсутствует требование о признании подозреваемым своей вины как таковой. Более того, пункт 14 НП ВС РК №4 от 7 июля 2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве» прямо запрещает прокурору ставить условием заключения процессуального соглашения признание подозреваемым, обвиняемым своей вины.

На основании указанного необходимо исключить пункт 14 НП ВС РК №4 от 7 июля 2016 года.

5. В соответствии с пунктами 25, 30 НП ВС РК №4 от 7 июля 2016 года применение статьи 67 УК РК допустимо лишь по соглашениям в форме сотрудничества и только с осужденными лицами.

В этой связи необходимо внести изменения и дополнения в действующую редакцию статьи 67 УК РК путем изложения в следующем виде:

«Статья 67 УК РК. Освобождение от наказания при выполнении условий процессуального соглашения в форме сотрудничества.

Часть 1. Лицо, выполнившее все условия процессуального соглашения в форме сотрудничества может быть освобождено судом от наказания.

Часть 2. (без изменений)».

Апробация и внедрение результатов. Некоторые выводы и положения, а также обобщения относительно исследуемого института процессуального соглашения в форме сделки о признании вины, были апробированы на конференциях и опубликованы в статьях.

1. «К вопросу об освобождении от уголовной ответственности при выполнении условий процессуального соглашения». Научно-практический семинар для магистрантов и докторантов (молодых ученых) на тему: «Модернизация уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан» (Академия правоохранительных органов, 29 марта 2019 года).

2. «К вопросу совершенствования правового регулирования заключения процессуального соглашения в виде сделки о признании вины». Международная научно-практическая конференция на тему «Совершенствование деятельности правоохранительных органов с учетом современных реалий» (Актюбинский юридический институт МВД РК, 15 ноября 2019 года)

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав (четырёх параграфов), заключения, списка использованной литературы.

Глава 1. Правовая основа досудебного соглашения в форме сделки о признании вины

1.1 Понятие и назначение института процессуального соглашения о признании вины

Со времени обретения независимости в Республике Казахстан произошли большие перемены в области усовершенствования как всего национального законодательства, так и уголовно-процессуального в частности.

С введением действующего Уголовно-процессуального кодекса появился совершенно новый самостоятельный институт – процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины. Этот институт некоторыми не только отечественными, но и зарубежными юристами поддерживается, а другими воспринимается как нечто чуждое, которое не соответствует принципам отечественного судопроизводства и нравственным устоям, положенным в основу отправления правосудия.

По мнению части адвокатского сообщества «юристов, изучающих процессуальное соглашение, можно подразделить не только на сторонников и противников этой процедуры, но и на осторожных последователей компромиссных форм ее реализации в уголовном процессе. Причина столь широкой палитры мнений по этой проблеме, очевидно, кроется в сложной и в некотором смысле противоречивой природе этого процессуального института». [4]

Сущность сделки о признании вины заключается в том, что обвинитель в обмен на признание подозреваемым, обвиняемым своей вины предоставляет ему некоторые уступки. Уступка стороне защиты может заключаться в уменьшении объема обвинения (в англо-саксонской системе права) или смягчении наказания либо упрощения досудебной и судебной процедур.

Стоит отметить, что многие нововведения изначально не находят поддержки, однако со временем становятся обычным явлением. Такая же ситуация и в законодательстве, в том числе и в уголовном. Так, презумпция невиновности более полутора столетий считалась теоретическим принципом, подвергавшегося постоянной критике, но сейчас это является важнейшим принципом отправления правосудия любого правового государства.

Джекебаев У.С. отмечает: «Истории известны три типа судебного процесса: 1) ранний обвинительный, 2) средневековый инквизиционный, 3) цивилизованный, который в свою очередь делится на англо-американский (состязательный) и французский (следственно-состязательный). Наиболее приспособленным к поощрительным нормам уголовного права оказался англо-американский процесс. Это означает, что стороны могут контролировать ход процесса. Они вырабатывают стратегию, добывают доказательства и представляют их в суд. Две стороны ведут борьбу в основном путем вызова и опроса свидетелей. Адвокаты (или команда адвокатов) являются главными

актерами в драме, разыгрывающейся в зале суда. Судья сидит на своей скамье и играет роль, близкого по духу к роли третьей стороны.

Предварительное расследование с целью получения обвинительных доказательств осуществляет обычно полиция. При этом получение доказательств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, лежит целиком на самом обвиняемом или на его защитнике. [5, с.6]

Для объективности следует отметить, что наш принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, особенно в части того, что выяснению по делу подлежат обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а также смягчающие и отягчающие их ответственность и наказание, «работает с натяжкой». Норма о том, что «органом, ведущим уголовный процесс, должны быть проверены все заявления о невиновности или меньшей степени виновности, а также наличии доказательств, оправдывающих подозреваемого, обвиняемого, подсудимого либо смягчающих их ответственность» зачастую игнорируется органами уголовного преследования. Ведь это естественно. Каждый выполняет свою функцию, следовать должен доказать вину подозреваемого, а адвокат – невиновность. Естественно при наличии веских доказательств невиновности подозреваемого любой адекватный следователь не будет «в наглухую» предъявлять обвинение. Тем более, после следователя имеются такие «фильтры» как руководитель следственного подразделения, прокурор по надзору за досудебной стадией уголовного процесса и прокурор по поддержке государственного обвинения в суде, ну и сам суд.

Полностью полагать, что сделка с правосудием является «детищем» англо-саксонской системы права не совсем верно. Элементы сделки присущи абсолютному большинству правовых систем, причем издавна. Например, в средневековой Европе и не только в случае признания обвиняемым своей вины ему гарантировалось менее строгое наказание.

«В Испании около полутора веков действует положение (*Conformidad*), позволяющее подсудимому признать свою вину путем выражения согласия с выступлением стороны обвинения и просить прекратить исследование доказательств с назначением наказания. После выражения обвиняемым или подсудимым его согласия с обвинением, суд без судебного разбирательства выносит приговор, которым утверждает меру наказания, согласованную сторонами». [6, с.9]

В «Жеті Жарғы» (свод законов обычного права казахов) в разделе «Қылмыс заңы» (О преступлении) можно встретить элементы сделок с правосудием. Например, лицо, совершившее преступление (определенной категории), по результатам достижения договоренностей с потерпевшей стороной и бием, мог выбрать или рассчитывать на более мягкое наказание.

К сожалению, своды «Жеті Жарғы» не дошли до нашего времени в первоизданном виде. Одним из достоверных документов, по мнению историков

Султанова Т.И. и Кляшторного С.Г., являются отрывочные записи пересказов старшины яппаского рода Шукуралиева Кубека, задокументированные в 1804 году русским ученым Г. Спасским и опубликованные на страницах «Сибирского вестника». Согласно данным записям установлены одиннадцать фрагментов указанного свода, некоторые из которых представлены в следующем виде: «Если кто умертвит человека, то отмщалась кровь за кровь, или за убийство платили по 200 лошадей всем родом того виновника», «Обидевший женщину обязан просить у нее прощения, а в случае отказа в этом платить за бесчестие». [6, с.9]

Как видно указанные фрагменты сочетают в себе одновременно диспозицию и санкцию, при этом некоторые уложения предусматривают альтернативный вариант выбора более мягкого наказания, связанного с материальными расходами, который соответственно предусматривает элементы признания вины и договорные процедуры с потерпевшей стороной с выплатой ущерба.

Естественно, в те времена концепция договорных отношений о признании вины не может сравниться с нынешней имплементацией, но необходимо подчеркнуть, что вопрос достижения выгодного решения, как для стороны обвинения, так и для стороны защиты был актуален во все времена.

В самих согласительных процедурах первоочередно необходимо учитывать элемент «диалога сторон», при котором стороны, отложив противостояние, переходят на новый этап, когда стороны пытаются договориться, добиваясь взаимовыгодного решения.

Пашуканис Е.Б. в своей, так называемой, меновой концепции права считал, что когда месть начинается регулироваться обычаем и превращается в возмездие, она начинает регулироваться по правилам талиона «око за око и зуб за зуб», и только тогда, наряду с нею начинает укрепляться система компенсации и денежного выкупа. Чтобы понять природу перехода от мести к компенсации следует подняться до понимания эквивалентности обмена в человеческом обществе. По его мнению идея эквивалента – это первая, чисто правовая идея, имеет своим источником все ту же форму товара. Отсюда он делает вывод, что преступление можно рассматривать как особую разновидность оборота, в которой меновые, т.е. договорные, отношения устанавливаются постфактум, т.е. после своевольного действия одной из сторон. Пропорция между преступлением и возмездием сводится к той же меновой пропорции. Указанный автор положение уголовного права о соразмерности наказания тяжести преступления объяснял этими же эквивалентами меновых отношений. Между товаровладельцами за преступление назначается наказание таким же образом, как за определенный товар выплачивается соответствующая цена. Особенно ясно это положение было выражено относительно уголовного процесса. Пашуканис Е.Б. писал, что уголовный процесс, как правовая форма, неотделима от потерпевшего, требующего воздаяния и, следовательно, неотделима от общей формы сделки. «

Прокурор, как полагается стороне запрашивает высокую цену, т.е. строгое наказание, преступник просит снисхождения – скидки, суд постановляет по справедливости». [7]

Элементы современного института процессуальных соглашений в Казахстане существовали и ранее. Это освобождение от уголовной ответственности и смягчение наказаний в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, где также имеются требования о признании вины, возмещение ущерба и т.д.

При этом возникает вопрос «Что раньше отечественные правоохранительные органы могли предложить подозреваемому взамен на признание вины и содействие следствию?» – Только неопределенное смягчение наказания при вынесении приговора. Процессуальное соглашение же упорядочило эти взаимоотношения между прокурором и подозреваемым. Теперь каждая сторона выполняет взаимные обязательства взамен на встречные уступки.

По мнению Ергашева Е.: «Институт процессуального соглашения по сей день вызывает очень много споров, так как он посягнул на традиционный советский уголовный процесс. Классический континентальный подход исходит из того, что признание подозреваемым своей вины должно рассматриваться в русле доказательственного права. Одно является разновидностью показаний подозреваемого». [8]

Оно и понятно, ведь вся советская система уголовного судопроизводства стояла на твердой позиции недопустимости «сговора» государственных органов с подсудимым. Это было особенно актуально после ране советских репрессий, когда уголовное судопроизводство допускало сокращение судебного следствия в случае признания вины подсудимым, хотя в законе не было ни слова о каких-нибудь «соглашениях» между обвинением и защитой или иных уступках подсудимому.

Мы согласны с Джансараевой Р.Е. о том, что: «Стремление многих советских юристов того времени не допустить повторения беззакония и судебного произвола периода борьбы с «классовыми врагами» и «изменниками Родины», привело к полному отрицанию возможности какого-либо процессуального сокращения, а тем более - упрощения установленного порядка производства по уголовным делам, формально не допускавшего каких-либо соглашений с обвиняемым. Но, будучи под запретом в своем классическом виде, соглашение о признании вины фактически, все же, появилось в УПК союзных республик в виде, например, нормы о прекращении уголовного дела вследствие изменения обстановки, нормы, устанавливающей возможность прекращения уголовных дел и применения к виновным не уголовной, а административной или даже моральной ответственности. Установленные законом условия прекращения дела по данным основаниям были в действительности весьма неопределенны: в упомянутых нормах содержались указания на утрату лицом общественной опасности или возможность его

перевоспитания без применения уголовного наказания. И хотя правом подобного прекращения дела обладали как органы дознания и следствия, так и суд, такие решения чаще всего применялись на стадии предварительного расследования, поскольку именно здесь возможность фактического заключения соглашения между обвинителем и обвиняемым была наибольшей. Среди работников следствия достаточно широко была распространена практика прекращения уголовных дел в отношении обвиняемых, активно способствовавших раскрытию преступления в отношении других лиц». [9, с.5]

Одним из ключевых доводов о процессуальном соглашении о признании вины является то, что данное соглашение рассматривается как одна из форм завершения досудебного расследования в тех случаях, когда преступление считается раскрытым, стороны согласны с объемом обвинения и примерно определились с размером наказания.

В качестве позитивных качеств этой процедуры можно признать ее экономичность, быстроту и разрешение уголовно-правового конфликта на основе взаимного согласия сторон.

«Соглашение о признании вины предполагает, что сторона обвинения и сторона защиты, приходят к компромиссу относительно уголовно-правовой квалификации деяний обвиняемого, признанию им своей вины в их совершении и примерном размере наказания за содеянное. В этой связи стороны, оформляют свои позиции согласно предусмотренной для таких случаев процессуальной форме, после чего суд, проверив правомерность соглашения, отсутствие нарушений закона и прав участников процесса, принимает решение по делу в порядке, установленном законом». [4]

В свое время Вице-Министр МВД Кененбаев Е.А. изучая практический опыт других стран, отметил возможность достижения следующих результатов: «1) увеличится оперативность расследования уголовных дел, что положительно отразится на нагрузке следователей, оперативных работников, прокуроров и судей; 2) экономятся силы и средства органов расследования, которые можно будет направить на раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений; 3) «сделка с правосудием» может повлиять на сокращение количества лиц, осужденных к лишению свободы, путем применения к ним альтернативных видов наказаний (ограничение свободы, привлечение к общественным работам, исправительные работы и штраф), в том числе условное осуждение. Таким образом, сделка способствует ускорению судебного разбирательства, приближению момента реализации уголовной ответственности и уменьшению загруженности судей. При этом, у правоохранительных органов появится возможность заниматься другими преступлениями и устанавливать причастность к совершенному деянию других лиц». [10]

Рустамов Х. в качестве достоинств сделки о признании вины отмечает: «достижение кратчайшим путем смятения враждебности сторон в конфликтных ситуациях; демонстрация обвиняемым (подсудимым) в своем заявлении

готовности и желания признаться в совершении преступления и начать отбывание наказания; экономия времени и средств судов и органов обвинения для использования их по сложным делам; освобождение органов, уголовного преследования от бремени поиска новых улик по бесперспективным преступлениям и концентрацию их усилий на раскрытии тяжких преступлений, а судов - от значительного количества дел. В качестве недостатков сделки о признании вины, прежде всего, отмечается возможность самоговора обвиняемого, вытекающая из стремления органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, добиться «любой ценой» признания. Следовательно, ложное признание при заключении сделки повлечет не только осуждение невиновного, но и оставляет безнаказанным виновное лицо. Кроме того, отмечаются и другие недостатки, такие как предъявление обвинения за преступления, которые не были совершены обвиняемым, подрыв статуса официального расследования и другие». [11]

Хотелось бы отметить, что многие ученые, выражающие отрицательную позицию к исследуемому институту, употребляя словосочетание «сделка о признании вины» применяют кавычки, как при употреблении ненормативной лексики, словно это вовсе не юридический термин, совсем неприемлемый. Отчасти с этим можно согласиться. Слово «сделка» вызывает противоречивые ассоциации, как будто это что-то полузаконное, не совсем честное и даже корыстное, направленное на получение лишь выгоды. Поэтому использование термина «соглашение» более привычно нашему уху, хотя некоторые ученые, апеллируя против сделок о признании вины, делают эмоциональный акцент на сам термин, а не на содержание.

Между тем следует отметить, что в мировой практике существуют разновидности сделки признания вины. Классическим примером служат plea-bargaining (плибарген) американского уголовного процесса. Плибарген заключается в том, что обвиняемый через своего адвоката договаривается с прокурором о приемлемых для обеих сторон условиях приговора, который они потом представляют на утверждение судьи. В этом случае подсудимый добровольно признает себя виновным, но только в меньшем преступлении, чем то, в котором его обвиняют, в обмен на более легкое наказание. [12]

Другой разновидностью сделки о признании вины являются целерантные сделки, то есть сделки об упрощении процедуры судопроизводства.

По своей сути в основу казахстанской модели института процессуального соглашения о признании вины легли элементы обоих видов сделок о признании вины.

Мы согласны с Бычковой С.Ф. в том, что «необходимость введения института процессуального соглашения обусловлена, с одной стороны, гуманизацией уголовной политики, с другой необходимостью оптимизации процессуальных процедур». [13]

Так, если раньше до появления согласительных процедур во время судебного следствия участники процесса скрупулезно исследовали все

имеющиеся в деле доказательства — допрашивали подсудимого и потерпевшего, свидетелей и экспертов, осматривали вещественные доказательства, при необходимости производили судебную экспертизу или следственный эксперимент, предъявляли лиц или предметы для опознания и т.д. Причем подавляющее большинство этих процессуальных действий суд осуществляет независимо от того, оспаривает ли подсудимый свою вину или же он полностью согласен с предъявленным ему обвинением.

Поэтому логично, когда по бесспорным делам, подчеркиваем по бесспорным делам, появление в уголовном процессе большинства стран процедур, в той или иной форме направленных на упрощение и ускорение обычного порядка судопроизводства, является общемировой тенденцией.

Так, в США по делу «Сантобелло против Нью-Йорка» (1971) Верховный суд указал на то, что «... реализация уголовной ответственности на основании соглашения между прокурором и обвиняемым, называемая «делкой о признании вины», является важнейшим компонентом системы отправления правосудия. Надлежащее соблюдение и применение этого института следует поощрять, так как если бы каждое уголовное обвинение проходило через полномасштабное судебное разбирательство, то штатам и федеральному правительству будет необходимо умножить в несколько раз количество судей и судебных помещений». [14, с.12]

По убеждению Маткиной Д.В.: «На смену карательной идеологии приходит идея восстановительного правосудия, основанного на построении взаимовыгодных договорных отношений стороны защиты и обвинения». [15]

Полагаем следует согласиться с мнением Шамшикашвили Ц.А., который хоть и пишет о медиации, но суть заключается в урегулировании конфликта между сторонами, в данном случае между сторонами обвинения и защиты, о том, что «Судебная система перегружена, рассмотрение дел тянется месяцами, а то и годами. Судьи не располагают достаточным временем, чтобы подробно изучить материалы дела, соответственно снижается качество выносимых ими решений. Истец и ответчик, в большинстве случаев становятся врагами. Но выход все таки есть!». [16]

При всем вышеуказанном переоценка признания подозреваемым своей вины таит в себе и опасности. Неспроста действующее уголовно-процессуальное законодательство требует основывать обвинение на признании лишь при условии подтверждения его другими доказательствами. Виновность должна быть доказана не столько и не сколько признанием, а объективными, допустимыми доказательствами, независимо от признания лицом своей вины.

Так, статья 111 УПК РК провозглашает, что доказательствами по уголовному делу являются законно полученные фактические данные. Одним из вариантов получения, которых являются, в том числе показаниями подозреваемого, обвиняемого и других лиц. И уже на основе этих данных сторона обвинения устанавливает наличие или отсутствие преступного деяния,

совершение или не совершение этого деяния подозреваемым, обвиняемым или подсудимым, его виновность либо невиновность, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Признание вины во всех случаях должно подвергаться тщательной проверке и любое сомнение в его истинности и искренности следует истолковывать в пользу подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

На стороне института сделки о признании вины выступают и представители судебной ветви власти.

Так, судья Бердыгулова Ж.К. в своей статье приходит к выводу, что «сделки с правосудием особенно критикуются, так как считается, что они открывают возможность для принуждения, угроз, вознаграждения, что может привести к результатам, несовместимым с понятием о справедливой системе правосудия. Если предъявляется достаточно серьезное обвинение, прокуроры могут запугать защитника и обвиняемого, в результате чего невиновный человек, который мог бы быть оправдан на основании отсутствия доказательств, признается в совершении менее тяжкого преступления. Причина - страх. Исследования показали, что чем больше предъявлено обвинений, чем они значительнее, тем больше страх». [17]

Рассуждая далее, данный автор приходит к выводу о том, что «спорить о плюсах и минусах сделки с правосудием можно долго. Однако в системе правосудия, как бы ни стремились участники системы к непредвзятости, как и в любой сфере жизни, огромную роль играет человеческий фактор. Сделка с правосудием может быть заключена корректно в том случае, если у вас имеются опытные, компетентные адвокаты защиты, опытные, компетентные обвинители и проницательный судья, который способен проконтролировать процесс и дать надлежащую оценку».

И резюмирует: «Наше уголовное и уголовно-процессуальное законодательство постоянно изменяется, пытаюсь поспеть в ногу со временем. Не скажу, что все эти изменения, безусловно, хороши, но если иметь в виду введение в действующий уголовно-процессуальный кодекс столь непривычного понятия, как заключение досудебного соглашения о сотрудничестве или, если короче, сделки с правосудием, то эту новацию стоит все же оценивать положительно». [17]

В противовес указанным мнениям Михайлов П. считает: «Идея введения «сделки» в уголовный процесс противоречит основным правам и свободам граждан и не соответствует общим принципам права в нашем обществе. По его утверждению, многие юристы в США считают, что судебные сделки являются позором для правосудия. Подобные сделки выгодны только для обвиняемого в связи с тем, что он признает себя виновным в большинстве случаев по договоренности с судом. При этом суд соглашается вынести менее суровый приговор, снять некоторые обвинения или гарантировать подсудимому какие-либо другие поблажки в обмен на признание им своей вины в менее тяжком

преступлении, чтобы избежать суда присяжных и ответственности за более тяжкое преступление». [18]

Так, по мнению Великого Д.П.: «Согласие с предъявленным обвинением – это проявление диспозитивности, использование обвиняемым своих прав, не имеющих какого-либо доказательственного значения. Это отказ от процессуального оспаривания предъявленного обвинения без объяснения причин». [19]

В свою очередь Петрухин И. отмечает, что: «В США институт сделки о признании вины выглядит разумным и соответствует их национальным традициям, т.к. он упрощает процесс, разгружает судебную систему и основывается на уважении к позиции психически здорового человека, имеющего право считать себя невиновным полностью или частично. Однако для нашего менталитета само понятие «сделки о признании вины» чуждо. Сделка в уголовном правосудии - явление аморальное, порочное, бесчестное; это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности установить истину по уголовному делу. Сделки о признании вины могут способствовать распространению коррупции. Они будут заключаться до суда, без суда и влечь необоснованное прекращение дел в части наиболее тяжких обвинений. Адвокаты превратятся в дельцов, заключающих (небескорыстно) соглашения с прокурорами, которые забудут, что некогда стояли на страже закона. Правосудие превратится в торг». [20]

Хан В.В. упоминает, что Верховный суд США не только официально одобрил практику завышения квалификации деяния в сторону более тяжкого и признал ее законной, но и в случае если наиболее тяжкий пункт обвинения изначально не был предъявлен, то узаконил даже право прокурора пригрозить предъявить более серьезное обвинение по сравнению с первоначальным с тем, чтобы «убедить» обвиняемого заявить о своей виновности. (Решение Верховного суда США по делу 1978 года «Боденкехер против Хэйза»). [14, с.12]

Поэтому неудивительно, что не все страны, в том числе европейские, ввели в свое уголовно-процессуальное законодательство процессуальные соглашения. Так, в Норвегии законодатели придерживаются мнения, что у них нет традиции предлагать лучшие варианты снижения наказания в обмен на ключевую информацию для следствия. Основным основанием упрощенного судебного рассмотрения является малозначительность правонарушения.

Немецкий юрист Роксин К. сказал: «Инквизиционное устное и открытое судебное разбирательство, в котором суд собирал в служебном порядке все необходимые доказательства для нахождения материальной истины, в частности, не довольствовался протоколами предыдущих допросов, а допрашивал сам свидетелей и основывал приговор на сущности судебного разбирательства, составлял фундамент немецкого уголовного судопроизводства». [21]

Барабанов П.К. пришел к умозаключению, что «В силу отсутствия тех механизмов, что присущи англо-американской сделке о признании вины, модель соглашения по приговору в Германии нарушила баланс между уголовным преследованием и защитой, а именно судебное разбирательство как стержень немецкого уголовного процесса заменено обязанностью проверять достоверность признания путем изучения следственных дел, что подчиняет подсудимых результатам дознания. Размер скидки наказания зависит, согласно сложившейся практике, от объема предложенного защитником сокращения процедуры, а также от силы защиты в переговорной позиции, т.е. размер наказания зависит не от основных положений его назначения, а от степени осуществления процессуальных прав». [21]

Исходя из принципов процессуального соглашения в форме сделки о признании вины можно предположить, что нарушаются требования справедливого судебного разбирательства, так как признание вины обвиняемым обосновано не фактическими обстоятельствами дела и его отношением к совершенному преступлению, а опасением более строгого наказания. Поэтому результаты предварительного следствия недостаточны для возможности вынесения судом правильных выводов.

Здесь хотелось бы отметить, что ходатайства о заключении процессуального соглашения от привлекаемого к ответственности лица в основном поступают, когда наличие доказательственной базы позволяет сделать вывод о его виновности. Это свидетельствует о том, что данное лицо приходит к умозаключению, что уголовное дело все же дойдет до своего логического конца и вопрос о наказании становится лишь вопросом времени.

В этой части мы согласны с Берсугуровой Л.Ш. о том, что «если ходатайство заявлено на начальной стадии, то о какой вине и установлении истины может быть речь? Еще ведь мало, что известно, почти не установлены обстоятельства дела. Может установлены не все участники? В подобной ситуации процессуальные нормы могут превышать материально-правовые потребности». [22]

Как сказал физиолог Селье Г. «Стресс – это не то, что с вами случилось, а то, как вы это воспринимаете». Поэтому не редки случаи, когда обвиняемые даже под грузом явных доказательств не признают себя виновными в совершении преступления, так как у каждого лица свое мировоззрение на окружающие его события. Многие правонарушители считают себя правыми, даже если его действия явно выходят за рамки правового поля. Более того, определенная часть общества также поддерживает поведение правонарушителя. В этой связи сотрудники правоохранительных органов сталкиваются не только с самим фактом совершения преступления, но и с психологической стороной субъективизма правонарушителя. Находясь на разных плоскостях восприятия на один и тот же факт стороны обвинения и защиты имеют свои взгляды и

мнения, которые не совпадают между собой. Эта ситуация и создает противостояние сторон.

Например, молодой человек, защищая честь своей девушки нанес телесные повреждения ее обидчику. С моральной стороны он прав, и его будет поддерживать большая часть общества, однако с юридической стороны он совершил правонарушение. Скорее всего по такого рода происшествиям обвиняемый никогда не пойдет на заключение процессуального соглашения.

В свое время, на заре появления института процессуального соглашения Абдрашев Р.М. высказал следующие аргументы против его внедрения: «1) Не соответствует общим принципам права в нашем обществе, а также противоречит основным правам и свободам граждан, предусмотренным Конституцией Республики Казахстан. Прежде всего следует учесть, что в сделке между обвинителем и подсудимым не участвует потерпевший. Английские и американские ученые исходят из того, что юридический процесс не основан на установлении истины. Суд, по их мнению, выносит решение, исходя из материалов дела. Оно может совпадать с истиной, но не обязательно. 2) Многие в США считают судебные сделки позором для правосудия, при этом говорят, что подобные сделки выгодны для обвиняемых, так как он признает себя виновным в большинстве случаев по договоренности с судом. При этом суд соглашается вынести менее суровый приговор, снять некоторые обвинения или гарантировать подсудимому какие-либо другие поблажки в обмен на признание им своей вины в менее тяжком преступлении, чтобы избежать суда присяжных и ответственности за более тяжкое преступление. Неформальное полицейское расследование предполагает своего рода «игру вслепую» с обвиняемым, который не может быть ознакомлен с доказательствами его вины. 3) По признанию самих американцев ни одна из судебных практик не вызывает большего возмущения общественности, чем предложение уступок обвиняемым, сделавшим заявление о признании своей вины. Ее непопулярность в глазах американской общественности заставила запретить или ограничить эту практику в ряде юрисдикций. В странах же континентальной Европы данный институт не прижился, как представляется, потому что там хорошо видят опасности его внедрения и имеющийся в данном порядке судопроизводства недостатки. 4) Применение сделки о признании вины при расследовании преступлений небольшой и средней тяжести, в большей степени вероятности, приведет к фальсификации статистических данных путем заключения противоправных сделок, в целях создания мнимого благополучия борьбы с преступностью и увеличения статистических показателей борьбы с преступностью». [23]

По нашему мнению вышеуказанные доводы не совсем объективны. Так, по первому пункту – за громкими словами о том, что сделка о признании вины «противоречит основным правам и свободам граждан, предусмотренным Конституцией Республики Казахстан» не стоит что-либо конкретное, как

известно потерпевший вовлечен в процесс заключения процессуального соглашения. По второму и третьему пунктам – кто эти «многие», которые считают данный институт позором для правосудия? По признанию каких именно «самых американцев» эту практику (заключения сделок о признании вины) запретили или ограничили в ряде юрисдикций и в каких именно? Естественно противники имеются, но сказать, что многие, это считаем достаточно голословно. По четвертому пункту – ну, во-первых, ни один здравомыслящий человек не возьмет на себя чужую вину, тем более по преступлениям небольшой и средней тяжести, по которым практически не назначаются наказания в виде лишения свободы. Тогда возникает вопрос «Зачем человеку признаваться в том, чего он не делал, пусть даже и под давлением?» «Страшилки» о том, что в наших правоохранительных органах всех невинных заставляют взять вину на себя, являются по меньшей мере субъективными, а фактически популизмом. Во-вторых, если у нас так сильно хотели бы увеличить статистические показатели успешного внедрения сделок о признании вины, то количество заключений процессуальных соглашений не «топтало бы на месте» из года в год, но об этом более подробно в дальнейших разделах.

Также наше внимание привлекло мнение Прокоповой А.А. [24], которая задалась вопросом о том каких целей достигает процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины. «Целями данного института являются быстрое и полное раскрытие, расследование преступлений и оперативное выполнение иных задач уголовного процесса путем ускоренного досудебного производства и осуществления судебного разбирательства дела в сокращенном порядке. Данные цели не совсем совпадают с задачами уголовного процесса Казахстана, которыми являются беспристрастное, быстрое и полное расследование уголовных правонарушений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство, при этом установленный порядок судопроизводства должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина (ст. 8 УПК РК). В этих целях усечены пределы доказывания, ограниченные собиранием доказательств, достаточных для подтверждения вины подозреваемого, обвиняемого и исключено составление обвинительного акта (ч. 4 ст. 617 УПК РК)».

Мы согласны с тезисом, что «В законе не оговорено, в каком документе обосновывается вывод о виновности лица. Процессуального акта, из анализа которого можно было бы убедиться в доказанности вины лица, не выносятся. Примечательно, что УПК РК не содержит упоминаний о возможности обвиняемого, заключившего процессуальное соглашение о признании вины, ознакомиться с результатами расследования, с которыми он должен согласиться. В судебном разбирательстве дела в согласительном производстве оценку всесторонности, объективности и полноты, собранных по делу доказательств, суд не проводит. Таким образом, единственным, кто отвечает за

качество собранных доказательств, является прокурор, который выступает одной из сторон заключения процессуального соглашения о сотрудничестве, но реализует в уголовном процессе функцию уголовного преследования, в результате чего не обладает полным спектром гарантий объективности оценки доказательств виновности обвиняемого». При этом мы не согласны, что «Отсутствие обвинительного акта в данном случае является исключением одной из основных гарантий лица на защиту его прав от необоснованного обвинения и неограниченно расширяет усмотрение следователя и прокурора», так как само соглашение является заменой указанному документу.

Так, в 2019 году Алматинским районным судом №2 города Нур-Султан рассмотрено уголовное дело в отношении гражданина «А» по обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 188 УК РК, который работая менеджером оператора сотовой связи и имея доступ к счетам абонентов в течение длительного периода времени совершал хищение денежных средств со счетов последних. В процессуальном соглашении была описана вся схема совершения дящегося преступления, установлена общая сумма похищенных средств и другие обстоятельства произошедшего. Однако суд с предварительного слушания вернул дело прокурору со ссылкой на не соблюдение требований п.4) ч.1 ст.616 УПК, согласно которым в соглашении должны быть указаны описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с положениями УПК. Обосновав это тем, что подробно описан лишь первый эпизод, а остальные факты хищения денег описаны вкратце, без точного указания времени, места и других обстоятельств, тем самым по уголовному делу нарушен порядок составления процессуального соглашения. [25]

Довод о том, что «существует вероятность самоговора обвиняемого, вызванного стремлением лиц, ведущих уголовный процесс, получить от него признание «любой ценой», результат такого порядка уголовного судопроизводства всегда вызывает обоснованное сомнение в том, действительно ли виновное лицо привлечено к ответственности». Стоит отметить, что этим доводом не воспользовался наверно только ленивый. Складывается такое ощущение, что подозреваемые такие «бедные и наивные», которые не понимают в чем их подозревают и не могут отказать «злым сотрудникам правоохранительных органов», и поэтому соглашаются с незаконным обвинением.

Однако практический опыт показывает, что ходатайства о заключении процессуальных соглашений подаются только после тщательного анализа складывающейся ситуации, когда неоспоримость доказательственной базы не вызывает сомнений. В этом случае решение о заключении процессуального соглашения при понимании тщетности оспаривания предъявляемого обвинения выглядит более логичным и объяснимым нежели упорное настаивание на

избранной линии защиты без наличия конкретных доказательств в свою пользу.

Анализируя казахстанский институт процессуального соглашения, Канафин Д.К. в своей статье [26] сравнил его на соответствие Международному Пакту о гражданских и политических правах, который утверждает базовые права лиц, вовлеченных в уголовный процесс, и включают в себя презумпцию невиновности, право на защиту и квалифицированную юридическую помощь адвоката по собственному выбору, а также право защищать себя лично, право на перекрестный допрос, право на помощь переводчика, право на разумные сроки рассмотрения дела компетентным судом, действующим на основе закона и др. Как результат автор приводит следующую мысль «Право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным» в Казахстане обеспечено тройным уровнем гарантий. Во-первых, ответственность за проверку добровольности заключения такого соглашения возложена на прокурора, подписывающего соглашение. Во-вторых, норма об обязательном участии защитника, при ее должном исполнении также должна исключить возможность принуждения и незаконного давления на подозреваемого, обвиняемого. И, в-третьих, суд, рассматривающий дело по существу, в том числе и в рамках согласительного производства, обязан оценивать добровольность и юридическую безупречность поступивших к нему материалов».

Вместе с тем, по его мнению «в условиях, когда количество обвинительных приговоров колеблется в районе 99% из ста, имеют место серьезные сомнения в истинной добровольности заключения таких соглашений и добросовестности поведения их участников. Многие оказавшиеся в орбите уголовного судопроизводства лица, могут пойти на заключение соглашения не из-за угроз, давления или иного прямого физического или морального принуждения. Они могут быть вынуждены подписать такие соглашения от общего чувства безысходности и неверия в справедливость».

Здесь стоит отметить, что в тех же США доля оправдательных приговоров такая же, причем по делам с процессуальным соглашением их вообще нет, поэтому мы не согласны с вышеуказанным мнением.

Подводя итог, Канафин Д.К. оставил вопрос открытым, говоря о том, что «вопрос о степени соответствия процессуального соглашения стандартам уголовного процесса является в некоторой степени деликатным. Дело в том, что в основе сомнений в возможности использования такого рода производств лежит постулат о необходимости разрешения дела посредством получения достоверного знания о его обстоятельствах. Процессуальное соглашение этот постулат опровергает, поскольку позволяет сторонам договориться о правовых последствиях уголовного судопроизводства без всестороннего и полного восстановления фактической картины произошедшего и в реальности представляет собой компромисс, не всегда подразумевающий адекватное воздаяние виновному за им совершенное». [26]

Проведение судебного разбирательства и последующее вынесение приговора по делам с процессуальным соглашением имеет ряд особенностей, в числе которых возможность его вынесения на основе тех доказательств, которые имеются в материалах уголовного дела, и получение согласия подсудимого с предъявленным ему обвинением. В этой связи в уголовно-процессуальной литературе остро обсуждаются вопросы: об истинности (достоверности) приговора, о достижении (не достижении) истины по уголовному делу, о том возможно ли установить объективную истину или только истину формальную. Некоторые ученые вообще отрицают необходимость установления истины по делу.

Например, Конин В.В. считает «Требование об установлении истины в УПК вообще не закреплено. Следовательно, исключена обязанность суда по установлению истины по делу». [27]

Вместе с тем, если в УПК нет какого-либо понятия, это не должно означать изменение сути процессуальной деятельности. Применение в уголовном процессе упрощенных процедур должно отвечать целям охраны и восстановления нарушенных прав потерпевших от преступлений.

Андросенко Н.В. отмечает «Учеными-процессуалистами неоднократно отмечалась опасность для уголовного процесса как переоценки, так и недооценки показаний подозреваемого, обвиняемого, признающего свою вину в совершении преступления. Переоценка свидетельствует об обвинительном уклоне, предвзятом отношении к оправдательным доказательствам, что противоречит действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Недооценка признания лицом своей вины в совершении преступления также не обоснована, поскольку признание вины имеет большое значение при доказывании, оказывает воздействие на дальнейший ход расследования уголовного дела, определяет деятельность следователя, дознавателя по сбору доказательств, влияет на рассмотрение и разрешение уголовного дела.

Тем более повышается роль признания своей вины лицом, совершившим преступление, когда оно не было предварительно установлено правоохранительными органами (при явке с повинной). Такое признание вины способствует раскрытию преступления, быстрому и эффективному расследованию уголовного дела. Кроме того, оно является обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность.

Не стоит недооценивать последствия признания вины в ходе предварительного расследования. Допрос лица, признающего вину в совершении преступления, предоставляет впоследствии возможность собирания новых, ранее неизвестных следователю, дознавателю доказательств, которые без его показаний обнаружить очень трудно (например, распределение ролей при совершении преступления в соучастии). Признание лицом своей вины на первоначальном этапе расследования уголовного дела влияет на объем, характер и направленность следственных действий, позволяет сократить сроки предварительного расследования и материально-финансовые затраты на

проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий». [28, с.4]

Как сказал Исмаилов Б.И. «Можно сказать, что «сделки о признании вины» являются средством избавиться от риска, который неизбежен в любом состязательном процессе. Ведь любой судебный процесс не является совершенным. Многие факторы: профессиональное мастерство адвоката или прокурора, наличие свидетелей, отношение судьи и даже простое везение влияют на результат. У стороны обвинения на кону их репутация, карьера, тем более если дело имеет общественный резонанс. У подсудимого вообще на кону его судьба, тем более если речь идет о возможном реальном лишении свободы. Таким образом заключая соглашение каждая из сторон прежде всего заинтересована в ограничении присущего судебному процессу риска». [29]

В общем «теория дифференциации процессуальной формы не исключает возможности развития уголовного судопроизводства в сторону создания новых институтов, направленных на оптимизацию уголовно-процессуальной деятельности, не в ущерб правам человека и стандартам справедливого правосудия. Жизнь многообразна в своих проявлениях. Правоприменительная деятельность по уголовным делам не только охватывает собой самые различные варианты криминального поведения людей, но и сталкивается в последующем с необходимостью эффективного урегулирования возникших таким образом уголовно-правовых конфликтов. Очевидно, что в каждом случае присутствует уникальное стечение жизненных обстоятельств, которым далеко не всегда может соответствовать единая унифицированная уголовно-процессуальная форма.

Из этой посылки, естественным образом вытекает вывод о том, что процедура уголовного судопроизводства должна быть многовариантной, дифференцированной, то есть приспособленной, хотя бы к наиболее часто случающимся ситуациям при расследовании и судебном разрешении уголовных дел. Общий тренд судебно-правовой реформы, состоящий во внедрении все новых и новых процессуальных форм в структуру уголовного судопроизводства, подтверждает этот вывод. Следует отметить, что ситуации, когда стороны в уголовном процессе готовы к определенному компромиссу по поводу объема обвинения и размеров наказания, случаются достаточно часто. С точки зрения разумного администрирования уголовного судопроизводства, было бы неправильным игнорировать потребность в соответствующей процедуре. Вместе с тем, эта процедура должна соответствовать определенным достаточно суровым стандартам обеспечения прав человека и принципов справедливого уголовного процесса». [4]

1.2 Сделка о признании вины в праве зарубежных государств

Классическая модель процессуального соглашения в виде «сделки с правосудием», присущая англо-саксонской системе уголовного

судопроизводства, первоначально сформировалась в США и действует на протяжении 150 лет. В штатах сделка с правосудием – это такой процесс достижения соглашения в уголовном процессе, когда прокурор предлагает подсудимому возможность признать вину в совершении преступления либо в совершении менее тяжкого преступления при условии, что приговор будет смягчен. Сделка дает возможность обвиняемому избежать судебного разбирательства и риска быть признанным виновным по первоначальному более тяжкому обвинению. Большинство уголовных процессов разрешаются именно посредством признания вины, а не судом присяжных. [30]

Соглашение освобождает от необходимости приглашать в суд свидетелей, так как доказательства не исследуются, а также потерпевшего, который в Америке исключен из процедуры заключения соглашения, потому что его позицию поддерживает и выражает прокурор. Процессуальное соглашение удовлетворяет интересы всех участников процесса: правоохранительные органы получают быстрое раскрытие преступления, правонарушитель, взамен на признание вины, получает более мягкое наказание, а потерпевшему возмещается причиненный преступлением ущерб, суд же освобождается от длительного рассмотрения и вынесения решения, которое в обычном порядке все равно не будет устраивать одну из сторон.

Американскую систему процессуальных соглашений можно разделить на два основных типа – о признании вины и о сотрудничестве со следствием. В свою очередь, первый тип делится на следующие виды: 1) о признании вины в обмен на смягчение обвинения; 2) о признании вины в обмен на снижение наказания; 3) о признании вины в обмен на смягчение обвинения и снижение наказания.

Указанный институт в США в значительной мере предопределен исковой сущностью американского уголовного процесса.

Как отметил Джекебаев У.С.: «Иск обычно состоит из трех основных частей (элементов): предмет иска, основание иска и содержание иска. Предмет иска – это те правоотношения, вопрос о существовании которых суд должен рассматривать для того, чтобы вынести свое решение. Содержание иска указывает на вид судебной защиты, за которой истец обращается в суд. Основание иска и предмет иска составляют, кроме того, те признаки, по которым каждый отдельный иск отличается от любого другого иска. Основание иска составляют указываемые истцом обстоятельства, с которыми истец, как с юридическими фактами, связывает свое материально-правовое пребывание, правоотношение в целом также составляет предмет иска. В гражданском процессе возникающий между сторонами спор может быть устранен или, как говорят, урегулирован добровольным их мирным договором (соглашением). Сделка о признании вины считается как бы признанием иска, приведшим в конечном счете к мировому соглашению.

Так, перед рассмотрением дела по существу судья официально объявляет обвиняемому о том, какие обвинения против него выдвинуты, и предлагает

сделать заявление – отношение к этим обвинениям. Свое заявление суду обвиняемый делает на судебном заседании и может признать себя виновным в совершении инкриминируемого ему деяния. От признания или не признания себя виновным в совершении преступления зависит дальнейший ход судебного разбирательства. Заявление о признании себя виновным влечет устранение судебного разбирательства и формирование скамьи присяжных. Заявление обвиняемого о своей виновности в совершении инкриминируемых ему преступлений практически устраняет необходимость исследования доказательств по делу: если нет спора в отношении «иска», а, следовательно, и в отношении фактических обстоятельств дела, то нет необходимости в вердикте присяжных». [5, с.7]

Второй тип сделки также состоит из двух видов: 1) сотрудничество в рамках сделки о признании вины, где дополнительными условиями могут быть не только признание вины, но и выполнение полезной услуги для общества, возмещение ущерба потерпевшему и т.д.; 2) сотрудничество с целью дачи показаний против сообщников, т.е. «превращение в свидетеля обвинения» или коронного свидетеля (*crown witness*), показания которого не могут быть использованы против него и он не может преследоваться за совершенное преступление.

Волеводз А.Г. так объясняет понятие коронного свидетеля: «В самом общем смысле коронным свидетелем признается лицо, совершившее преступление и давшее в обмен на освобождение от наказания или его смягчение показания, позволяющее раскрыть или предотвратить тяжкие преступления и задержать лиц, их совершивших. «Превращение» подозреваемого в коронного свидетеля допускается лишь по делам о наиболее тяжких преступлениях, совершенных, как правило, организованными преступными группами и представляющих особую сложность в их раскрытии и расследовании». [31]

По-другому говоря, в обмен на показания против сообщников подозреваемый получает «прокурорский иммунитет» - полное или частичное освобождение от ответственности. Сделка также должна быть одобрена судом. После заключения сделки исполнение ее условий становится обязательным для всех ее участников. При этом, если у прокурора появляются новые улики, на основе которых он может добиться обвинительного приговора, сделка может быть расторгнута (что на практике встречается очень редко). [32]

Головки Л.В. дал следующее определение: «Сделка о признании вины заключенная в результате переговоров между обвинением и защитой – особое соглашение, по которому обвиняемый обязуется признать свою вину в совершении преступления, а обвинитель в качестве своеобразной платы за это – уменьшить его ответственность за содеянное». [33]

Суть сделки или «*Pleabargaining*» раскрывается в научных публикациях США следующим образом: «Если обвиняемый признает свою вину в совершении преступления, его первоначальное обвинение будет уменьшено

(изменено), и с этого момента он получит только часть наказания – часть срока в тюрьме или probation, но не полное наказание, которое было бы ему назначено, если бы первоначальное обвинение было доказано в суде. Например, если обвиняемый признает себя виновным в торговле наркотиками (тяжкое преступление), его обвинение может быть изменено на незаконное владение наркотиками (преступление меньшей тяжести)».

Признание вины в уголовном процессе США автоматически влечет вынесение обвинительного приговора, и судебное исследование других доказательств не производится. При этом факт признания своей вины обвиняемым прямо влияет на определенное наказание.

Как видно, признанию вины уделяется очень большое внимание. Однако суды не должны использовать в качестве доказательств признание обвиняемым своей вины, даже если оно, как утверждают обвиняемые, сделано добровольно, если полицейские не выполнили правил, сформулированных Верховным судом США. Верховный суд отменял приговоры в тех случаях, когда полученные полицией признания сопровождались одновременно следующими нарушениями надлежащей правовой процедуры: а) полиция содержала обвиняемого под арестом длительное время; б) подозреваемый не был своевременно доставлен к магистрату и ему не было предъявлено обвинение; в) допрос, в результате которого полиция получила признание, не начинался с разъяснения подозреваемому его прав, в частности права на защиту. [34]

Причины введения института в процессуальные процедуры зарубежных стран, среди главных указывают следующие: 1) попытка разгрузить систему (как судебную так и правоохранительную); 2) возросшие профессиональные обязанности правоохранительных органов вместо того, чтобы выполнять несвойственные функции (в Америке с иронией называли «мастер на все руки» «jack-of-all-trades»); 3) формирование профессиональной судебной системы; 4) недостаточное количество адвокатов; 5) устойчивая и однородная практика рассмотрения дел в суде, т.е. сама возможность предсказать итог дела стала провоцировать самих обвиняемых на заключение сделок.

Тиссен О.Н. предлагает следующую трактовку: «Соглашение о признании вины (англ. plea bargaining) – это разрешенная законом письменная сделка обвиняемого и защитника с обвинителем, в которой зачастую в обмен на признание обвиняемым (подсудимым) своей вины в менее тяжком преступлении обвинитель отказывается от всестороннего исследования обстоятельств дела, которое прояснило бы истину, а также от поддержания обвинения в более тяжком преступлении. Во многом сущность сделки о признании вины заключается в отказе прокурора от одного или нескольких эпизодов преступной деятельности или переквалификации обвинения на менее тяжкое преступление при одновременном признании обвиняемым вины в совершении других преступлений». [35]

Сделки о признании вины в США фактически связаны с отказом государства от установления истины в уголовном процессе, поскольку при

заключении таких соглашений прокурор и обвиняемый договариваются не принимать во внимание многие установленные следствием обстоятельства. В этой связи, истинный спор между сторонами о виновности возникает лишь в случае не признания обвиняемым своей причастности к инкриминируемому деянию. Признание обвиняемого позволяет суду не проводить исследование доказательств по делу, а сразу постановить обвинительный приговор. [35]

Следует отметить, что в основе рассматриваемого института лежит идея разумного компромисса в уголовном судопроизводстве, поэтому посредством рассматриваемого уголовно-процессуального института законодатель стремится решить, по крайней мере, следующие задачи, стоящие перед уголовно-процессуальной политикой страны:

- экономить силы и средства органов уголовной юстиции по расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести;
- склонить обвиняемого (подсудимого) к сотрудничеству с органами уголовного преследования и с его помощью изобличить других участников преступления, быстро и с минимальными издержками раскрыть преступление, установить все обстоятельства его совершения и т.д.;
- сократить разрыв во времени, которое протекает с момента совершения преступления до принятия по нему окончательного решения;
- рационализировать уголовное судопроизводства, сделать процесс менее длительным и более эффективным. [29]

Сделки о признании вины нашли официальное закрепление в англосаксонской системе права более 40 лет назад, когда в 1971 г. в решении Верховного Суда США по делу «Сантобелло против Нью-Йорка» plea bargaining были признаны «необходимостью правовой жизни».

В США рассматриваемый правовой институт к настоящему времени стал главным средством достижения компромисса и разгрузки судебной системы. Ежегодно 90-95% уголовных дел завершаются соглашением о признании вины. В частности, согласно официальной статистике за 2016 год из 76891 обвиняемого 70032 были осуждены, при этом 68361 обвиняемых заключили сделку со следствием. Таким образом, 97% всех обвинительных приговоров были вынесены в рамках сотрудничества со следствием. [36]

Сделка о признании вины нормативно урегулирована в Правиле 11 Федеральных правил уголовных процедур США.

Ходатайство о сделке должно содержать несколько требований, а именно заявлений о своей виновности:

- 1) О признании себя виновным (plead guilty);
- 2) О непризнании себя виновным (plead not guilty). В данном случае отказ от своей виновности приравнивается в уголовном процессе к заявлению о невинности, в связи с чем в случае отказа проводится слушание с рассмотрением дела по существу;

3) С согласия суда обвиняемый может не оспаривать свою виновность и принять назначаемое судом наказание (*plead nolo contendere*), хотя при этом и не признает себя виновным. [37]

Последний пример очень напоминает казахстанское законодательство. Так, в соответствии со ст.613 УПК РК одним из условий заключения процессуального соглашения в форме сделки о признании вины является то, что «подозреваемый, обвиняемый не оспаривают подозрение, обвинение и имеющиеся по делу доказательства в совершении преступления, характер и размер причиненного ими вреда». Как видно ни слова о признании вины. Более того, п.14 Нормативного постановления Верховного суда РК №4 от 07.07.2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве» указывает о том, что прокурор не вправе ставить условием заключения процессуального соглашения признание подозреваемым, обвиняемым своей вины. [38]

По мнению Ализаде В.А.: «Преимуществом *nolo contendere* является то, что обвиняемый прямо не признает вину, в связи с чем обвинительный приговор не будет иметь доказательственную силу для будущих гражданских исков, связанных с преступлением, в части установления вины обвиняемого». [39]

Если казахстанский законодатель использовал данный вариант соглашения в качестве образца, то считаем, что это не лучший вариант, так как виновный в совершении преступления обязан возместить ущерб и другие причиненные последствия, а не избегать гражданской ответственности путем соглашения с уголовным наказанием, но не признанием вины. Но все же права потерпевшего в Казахстане по делам с процессуальным соглашением защищены на достаточно высоком уровне. Во-первых, без его согласия соглашение не заключается; во-вторых, заключение процессуального соглашения не лишает потерпевшего и гражданского истца права на предъявление гражданского иска.

Стороны сделки. Условия соглашения обсуждаются между прокурором как государственным обвинителем и адвокатом обвиняемого и самим обвиняемым либо только обвиняемым, если он защищает свои интересы самостоятельно. При этом, даже если условия соглашения были выработаны без самого обвиняемого, то окончательное решение он принимает самостоятельно.

Следует отметить, что в Казахстане участие защитника по делам с процессуальным соглашением обязательно (п.11 ч.1 ст.67 УПК РК).

Суд не является стороной сделки и не участвует в выработке условий и в согласованиях. При этом суд рассматривает вопрос об утверждении либо отклонении сделки.

Содержание сделки. Если подозреваемый заявляет о своей виновности либо не оспаривает обвинение, то в соответствии с Федеральными правилами уголовных процедур США в соглашении должно быть отражено, что прокурор:

1) не предъявит новых обвинений; 2) откажется от части уже предъявленных обвинений; 3) будет рекомендовать суду либо не будет препятствовать просьбе обвиняемого назначить ему определенное наказание или наказание в определенных пределах (данный пункт не является обязательным для суда); 4) будет рекомендовать суду либо не будет препятствовать просьбе обвиняемого о применении к нему определенных смягчающих или отягчающих обстоятельств; 5) соглашается с конкретным видом наказания или наказанием в определенных пределах или не будет препятствовать относительно (не)применения определенного положения Федеральных правил вынесения приговоров.

На основании указанного, в американской науке выделяют два типа сделок с правосудием:

- направленные на достижение договоренности относительно выдвинутых обвинений или связанные с изменением объема обвинения (*charges bargaining*);

- направленные на достижение договоренности относительно применимого наказания (*sentence bargaining*); [39]

На практике в одном соглашении могут комбинироваться положения, касающиеся как вида наказания, так и пунктов обвинения.

Судебное рассмотрение. Все соглашения о признании вины заключаются в письменной форме, направляются в суд, который рассматривает их в открытом судебном заседании, за исключением закрытых судебных процессов. До утверждения соглашения суд должен проверить и убедиться, что подсудимый осознает правовые последствия заключенного им соглашения, для чего судья допрашивает подсудимого и разъясняет следующее:

- возможность привлечения к ответственности за дачу заведомо ложных показаний;

- возможность отказаться от признания вины;

- право на суд присяжных;

- право быть представленным адвокатом, в том числе на предоставление адвоката судом;

- право на полное судебное разбирательство и быть защищенным от вынужденного самообвинения;

- право на представление доказательств своей невиновности и присутствие свидетелей защиты;

- существо обвинения, максимальное возможное наказание;

- право отказаться от всех вышеуказанных прав;

- подсудимому-иностранцу: в случае признания виновным о возможных последствиях выдворения за пределы страны, отказа от предоставления гражданства и запрете на въезд в страну.

Условия допустимости сделки регулируются Правилom 410 Федеральных Правил о доказательствах. [40]

Суд, рассматривая соглашение о признании вины, может принять одно из следующих решений:

- 1) Об утверждении соглашения (*accept agreement*).

- 2) Об отклонении соглашения (reject agreement).
- 3) Об отложении решения о принятии/отклонении соглашения для ознакомления с докладом, содержащим подробные сведения о личности обвиняемого.

Суду при заключении сделки о признании вины в США отводится роль своеобразного арбитра, следящего за соблюдением гарантированных законом прав и реализацией основных принципов судопроизводства при согласовании сторонами условий соглашения. При этом, основной функцией суда в этом процессе является установление добровольности заключения обвиняемым сделки о признании вины и осознание им последствий участия в соглашении с прокурором. [35]

О роли суда Пешков М.А. написал следующее: «Суд обеспечивает гарантию справедливости и законности. Во-первых, суд может сам участвовать в самом процессе переговоров, чтобы гарантировать их справедливый результат. Во-вторых, суд обязан убедиться в том, что заявление о признании вины является сознательным, добровольным и осмысленным и что обвиняемый понимает все элементы преступления, по которым он признает свою вину. Признание виновности считается недействительным, если судьей будет установлено, что оно сделано в результате обмана или принуждения со стороны обвинителя, в результате обещания обвиняемому каких-либо выгод или в результате того, что обвиняемый положился на ошибочный совет, данный ему юристом». [41]

При наличии ходатайства обвиняемого о заключении сделки с прокурором судья изучает представленные стороной обвинения доказательства в целях формирования убеждения о том, имело ли место деяние, и совершал ли его обвиняемый. При наличии вывода о доказанности факта причастности обвиняемого к конкретному преступлению и несомненности в добровольности признания вины в его совершении, суд выносит акт, констатирующий осознание обвиняемым последствий покаяния и согласие с выдвинутым против него обвинением. Лишь после подписания судом указанного постановления признание обвиняемого влечет за собой юридические последствия. Согласно их законодательству суд не связан с условиями соглашения о признании вины, однако в случае принятия условия соглашения должны быть отражены в приговоре. В случае отклонения соглашения суд рассматривает дело по существу и 1) уведомляет об этом стороны соглашения, 2) разъясняет обвиняемому право отозвать свое заявление о виновности/ о неоспаривании вины и, самое интересное, 3) разъясняет правовые последствия отказа обвиняемого отозвать свои признательные показания. Если обвиняемый отказался отозвать свои признательные показания, то эти показания останутся в деле и при рассмотрении по существу будут учтены. [35]

Как известно отечественное законодательство, в частности п.24 Нормативного Постановления Верховного Суда РК «О практике рассмотрения

судами уголовных дел в согласительном производстве» №4 от 07.07.2016г. повествует, что «Суд не вправе назначить более строгое наказание, чем предусмотрено соглашением о признании вины. Если суд не согласен с видом или размером наказания, предусмотренным соглашением о признании вины, считая его мягким, то уголовное дело в соответствии с пунктом 3) части первой статьи 623 УПК или пунктом 2) части первой статьи 626 УПК возвращается прокурору с предоставлением возможности заключения нового соглашения». [38]

В США дела обстоят иначе. Условия соглашения о признании вины являются обязательными для прокурора и обвиняемого, а не для суда, который может с ними не согласиться. Так, неприятной неожиданностью для обвиняемого может стать обстоятельство, когда соглашение будет принято судом, но которое, однако не будет связывать суд по вопросу меры наказания. То есть осужденному может быть применена более строгая мера наказания, чем предусмотрено соглашением. Хотя на практике такое скорее исключение, чем правило, однако отсутствие законодательного запрета все же настораживает.

После вынесения обвинительного приговора вступают в силу условия заключенного соглашения, которое становится окончательным, а приговор обжалованию не подлежит.

Последствия заключенной сделки. После утверждения судом соглашения о признании вины подсудимого ожидает менее суровый приговор в части наказания, чем тот, который предусматривался бы в соответствии с санкцией статьи уголовного закона. Как правило, суды назначают наказание, оговоренное в соглашении. Менее строгое наказание имеет положительный эффект на осужденного не только в данном конкретном случае, но и будет иметь значение в случае повторного нарушения уголовного закона, когда будет рассматриваться личность обвиняемого.

В соответствии с Федеральными руководящими принципами по вынесению приговоров суд должен учитывать: уровень преступления (offense level); криминальную историю лица (criminal history); зоны выносимых приговоров (sentencing zones); соблюдение порядка сокращения срока наказания (reductions in time to be served) и главного его условия – направления в суд ходатайства прокурора о снижении наказания, в котором должна содержаться оценка размеров помощи подсудимого; предписания об увеличении срока наказания (increase in time to be served) отдельным категориям лиц, преступления которых были направлены против некоторых категорий жертв (например убийство полицейского, заложника и т.п.); отягчающие и смягчающие обстоятельства; возможность назначения испытательного срока и освобождения под надзор на определенный срок. [42]

Наиболее важным положительным результатом для государства является быстрое рассмотрение дел в условиях загруженности правоохранительных органов и судей.

По свидетельству судей США отсутствие указанной нормы судебного процесса привело бы к серьезным негативным последствиям, а именно: к неимоверному росту рабочей нагрузки на суды по рассмотрению дел, с которой они бы не справились. [43]

По нашему мнению развитию института сделки с правосудием в США предшествовала система судов присяжных, так как судебное рассмотрение дел с их участием является достаточно затратным как по времени, так и с финансовой стороны. Кроме того, процедура отбора присяжных заседателей и обеспечение их участия на каждом судебном заседании требует значительные организационные ресурсы. Далее, в случае признания подсудимым своей вины отпадает какая-либо необходимость в самих присяжных заседателях.

Уголовный процесс стран англо-саксонской системы права не имеет своей основной целью установление объективной истины. Последняя, в числе других, служит средством разрешения спора, который является источником движения дела. Признание обвинения стороной защиты – означает прекращение спора. Следовательно, отпадают основания для дальнейшего производства и суд обязан принять признанную защитой версию обвинения, то есть, вынести обвинительный приговор без судебного следствия. Соответственно, ограниченное или полное признание стороной какого-либо факта, утверждаемого другой стороной, не требует его доказывания. Такой факт предполагается установленным. И наоборот, признание обвинителем версии защиты о невиновности обвиняемого (отказ от обвинения) влечет оправдательный приговор.

Таким образом, с точки зрения англо-саксонского процесса, признание вины, сделанное обвиняемым в суде, является не доказательством, а актом распоряжения. Учитывая, что производство по делу не может выйти за пределы заявленного обвинителем уголовного иска, создается теоретическое обоснование и реальная возможность для сделок о признании вины.

Процессуальное соглашение в странах с романо-германской системой права.

Существующие механизмы в континентальной системе права и порядок применения сделки о признании вины еще больше различны. Причиной тому явилось непринятие института сделки о признании вины в классическом американском варианте. Поэтому относительно стран с романо-германской системой права, куда входит и Казахстан, следует отметить, что там сделки с правосудием осуществить более сложно, чем в странах англо-саксонской системы права. Это связано с тем, что там имеется другое отношение к признанию вины. Как нам известно, отличительной особенностью континентального права является то, что прокуратура не имеет права исключать из дела какие-либо эпизоды обвинения взамен на признание вины. Кроме того, даже в случае полного признания обвиняемым своей вины органы уголовного преследования не освобождаются от обязанности установления

всех обстоятельств дела. Суд, по мимо всего прочего, может оправдать подсудимого, даже если он полностью признал свою вину.

Еще одним отличием является то, что сделки заключаются не для признания вины, а для согласия с обвинением. Как сказали Шамордин А.А. и Бусакова М.С.: «Их объектом является не сама виновность, а формальное согласие с обвинительным заключением, таким образом, обвиняемый здесь может и не признавать себя виновным. В случае такого согласия предусмотрено определенное ограничение назначаемой меры наказания, при этом в рамках судебного разбирательства не проводится судебное следствие». [44]

В последнее время немецкий уголовный процесс также подвергся значительным изменениям с помощью ранее не присущих ему институтов. Главным образом это отразилось в расширении действия принципа целесообразности, в том числе путем внедрения процессуальных соглашений, при которых за обещание сравнительно мягкого наказания подсудимый соглашается на признание вины. Германские суды не ограничиваются заявлением обвиняемого о признании вины, как это имеет место в США. Даже в случае признания подсудимым вины суд обязан установить факты, необходимые для вынесения приговора.

Однако, как отмечает Бойльке В.: «Если обвиняемый дает суду заслуживающее доверия описание, каким образом он совершил преступное деяние, и если обвинение и защита не просят о принятии новых доказательств, то суд в ФРГ обычно удовлетворяется заявлением обвиняемого, сочтя его достаточным основанием для приговора. Из этой возможности разумного ограничения усилий по "установлению истины" в Германии развился аналог американской сделки о признании вины: в сложных делах защита стала обращаться к судьям с тем, что обвиняемый готов признать вину и воздерживаться от требования принятия новых доказательств, если получены заверения, что наказание не превысит определенный предел; суд выслушивал мнение прокурора и затем делал заявление о максимальном наказании, которое могло бы быть в случае сотрудничества обвиняемого. Такой способ позволял сократить судебный процесс, но условием соглашения был, как правило, отказ от обжалования (поскольку УПК такой механизм принятия решения не предусматривал)». [45]

При этом, Барабанов П.К. отметил, что «подобная судебная практика соглашений при отсутствии установленных законом оснований (с условием обязательного отказа от обжалования) появилась в ФРГ еще к началу 80-х годов прошлого века. В 1997 г. 4-я коллегия по уголовным делам ВС ФРГ по конкретному делу указала, что судебное соглашение, предметом которого является признание подсудимых, не является незаконным, если это происходит в открытом судебном разбирательстве и согласован только верхний предел наказания, с сохранением права на обжалование. Однако последнее условие было предметом спора между коллегиями ВС ФРГ, который завершился тем,

что в Постановлении от 3 марта 2005 г. Большой Сенат по уголовным делам ВС ФРГ признал отказ от обжалования недопустимым. При этом он подчеркивал ограниченность "ресурсов юстиции" и предлагал законодателю урегулировать практику соглашений. Помимо этого, Большой Сенат высказался за возможность превышения согласованного предела верхнего наказания, если при заключении соглашения были проигнорированы важные фактические или правовые аспекты. В 2009 г. законодатель внес соответствующие изменения, кодифицировав практику процедурных соглашений (§ 243, 257с, 302 УПК). В настоящее время они стали "буднями" судебной практики и не ограничиваются случаями, когда бы при обычном рассмотрении требовалось продолжительное время». [46]

Далее этот же автор приводит следующий анализ о том, что «в силу § 257с УПК в подходящих случаях суд может заключить с участниками процесса соглашение о дальнейшем ходе и результате процесса. Предметом этого не может быть вопрос о виновности, т.е. факт совершения преступного деяния и его правовая квалификация. Обсуждать допускается лишь правовые последствия, которые могут содержаться в приговоре или в связанных с ним решениях (например, об условной отсрочке исполнения наказания), иные процессуальные меры в том же деле (например, обязательство о возмещении вреда), а также процессуальные действия участников процесса». [46]

Мотивация таких соглашений очевидна: для обвиняемого она позволяет избежать максимального исследования сведений о нем в рамках рассмотрения дела, сократив как само производство, так и последующее уголовное наказание; прокуратура (как и суд) путем быстрого рассмотрения дела получает возможность использовать высвободившееся время для других дел; свидетели избегают необходимости являться в судебное заседание, так как участники, как правило, договариваются о сокращении исследования доказательств либо об оглашении протоколов допроса, поскольку составной частью любого соглашения должно выступить признание подсудимого.

Проблема состоит лишь в том, что законодатель в ФРГ не создал специального механизма для такой категории дел, сохранив традиционные принципы немецкого уголовного судопроизводства, в то время как институт соглашения явно не соответствует обычной модели немецкого уголовного процесса. В связи с этим возникают противоречия между законом и практикой. Так, соглашение не освобождает суд от обязанности в рамках судебного разбирательства проверять достоверность признания вины подсудимым, поскольку и в этих случаях суд подчинен принципу выявления "материальной истины" в силу должности. Но это не означает проведения судебного разбирательства в полном объеме, т.е. исследуются основные доказательства.

По данным Джансаревой Р.Е.: «Германский институт сделки о признании вины не изменил роил участников процесса: центром полномочий остался судья, принимающий решение на основании личного мнения о материалах дела и доказанности инкриминируемых деяний, а стороны

обвинения и защиты – на втором плане, что означало сохранение основных положений следственного характера уголовного процесса. Основным же условием заключения соглашения было признание привлекаемого к ответственности лица всего состава инкриминируемых ему деяний. Еще одна особенность немецкого варианта состоит в том, что перед заключением сделки, т.е. до начала слушания, подсудимый может ознакомиться с материалами дела, и, следовательно, знать все о доказательственной базе стороны обвинения. Таким образом, реально оценивать свои шансы при проведении переговоров. К примеру, в американском варианте у прокурора нет конституционной обязанности полностью раскрывать материалы дела вплоть до момента заключения соглашения. Во время переговоров прокурор может скрывать от защиты тот факт, что у него нет достаточных доказательств, и без признания вины обвиняемым ему придется прекратить дело. Такого рода «обман» возможен потому, что в США обвиняемый не имеет права ознакомиться полностью с материалами своего дела». [47, с.82]

Согласно немецкому законодательству меры исправления и безопасности не могут являться предметом соглашения, что объясняется тем, что эти правовые последствия соединены с опасностью преступника. Также не допускается включение в соглашение отказа от обжалования приговора и вопросов, связанных с порядком исполнения приговора. В то же время возможно обсуждение дополнительных последствий (например, о запрете управления транспортным средством (§ 44 УК), конфискации (§ 73 УК)) [48], о поведении участников, под которым понимается набор процессуальных действий (например, отказ от дальнейших ходатайств о допуске доказательств).

Соглашение считается заключенным, если подсудимый и прокурор поддерживают предложение суда. Потерпевший, а также защитник также могут участвовать в обсуждении соглашения, но их мнение не способно воспрепятствовать его заключению. Обязательства, принятые судом в рамках соглашения, расторгаются, если не были учтены или возникли впервые важные правовые или фактические обстоятельства и суд на этом основании приходит к убеждению, что установленные в соглашении рамки наказания более не соответствуют вине подсудимого и тяжести содеянного. Это положение действует также, если дальнейшие процессуальные действия подсудимого не соответствуют поведению, предусмотренному в соглашении (например, вопреки ему, он отказывается в согласии на оглашение протокола или использование видеозаписи допроса свидетеля, настаивая на их непосредственном допросе). Вводя такие правила, законодатель обеспечивал возможности вынесения судом справедливого приговора. [46]

По мнению Бойльке В.: «Условия отмены настолько неопределенны, что подрывают доверие подсудимого к соглашению. Вместе с тем и последний не связан договоренностями, потому при невыполнении им условий также выпадает обязательство суда. Однако законодатель в целях защиты подсудимого установил, что в таких случаях, т.е. при отказе от соглашения,

признание подсудимого не может быть использовано судом. Отклонения от соглашения подлежат незамедлительному оглашению судом с разъяснением предпосылок и последствий подсудимому. При неправомерном отклонении суда от соглашения возможна ревизия в силу § 337 УПК (в связи с нарушением § 257с УПК)». [49]

Здесь стоит отметить, что у обвиняемого в Казахстане такой привилегии, как невозможность использования его признательных показаний в случае отказа от процессуального соглашения, нет.

Еще одной отличительной особенностью двух основных правовых систем является, что в англо-саксонской системе прокурор свободно распоряжается обвинением. Так, сторона обвинения договаривается с защитой о том, что подозреваемый признает часть предъявленных ему обвинений в обмен на снятие части обвинений или смягчения наказания. Такая договоренность, зачастую, влечет отказ подсудимого от суда присяжных и отмену судебного следствия с вынесением приговора на основе имеющихся доказательств.

В континентальном праве прокуратура действует, так сказать, «официально», т.е. обязана во всех случаях наличия состава преступления поддерживать все пункты обвинения.

Вопрос о преступлениях, по которым допускаются соглашения о признании вины, в законодательстве разных стран решается по-разному.

В 2012 году Генеральная Прокуратура РК на площадке круглого стола на тему «Сделка о признании вины в рамках новой модели Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан», анонсируя свое видение по вопросу института процессуального соглашения, коротко обобщила практику применения процессуальных соглашений в отдельных европейских странах [50]:

В Испании в 1988 году была введена сокращенная процедура, которая применяется за преступления, наказуемые на срок, не более девяти лет лишения свободы. В законе предусмотрено упрощенное предварительное следствие с укреплением состязательности и уменьшение полномочий судьи. Испания является практически единственной страной континентальной системы права, где можно полностью избежать исследования доказательств в судебном заседании, если обвиняемый согласен с обвинительным заключением. Обвиняемый может выразить свое согласие или при окончании предварительного следствия или даже после исследования доказательств в делах с участием присяжных заседателей. Хотя стороны и не «торгуются», порядок согласия принимается только тогда, когда обвинители требуют наказания в виде лишения свободы на срок не более шести лет. К слову, судья также не лишен права вынести оправдательный приговор при отсутствии «убеждающих» доказательств виновности лица.

В Италии в 2006 году была введена практика сделок с правосудием, которые применимы только к тем случаям, по которым максимальное наказание – это лишение свободы до 7 лет. Однако преступления, наносящие

ущерб социально-экономическому состоянию страны, или преступления, совершенные против женщин или ребенка младше 14 лет, исключаются из данной практики.

Кроме того, по делам, где подозреваемый задержан с поличным и полностью признал свою вину, прокурор может немедленно направить дело в суд в течение 48 часов. Соглашение о добровольном признании вины между прокурором и обвиняемым оформляется на стадии судебного слушания. Согласно принятому в 1988 году новому УПК было введено состязательное уголовное судопроизводство с рядом упрощенных и сокращенных процедур, а также в своеобразной форме «сделки о признании вины» и «заявление сторон об обозначении наказания», которое способствует не проведению судебного следствия по делам, по которым обвиняемому грозит наказание в виде лишения свободы на срок не более 3 лет.

Здесь хотелось бы добавить, что с 1988 года с новым УПК судебное разбирательство было разделено на две части: предварительное следствие и судебное рассмотрение с прениями сторон. В результате органы уголовного процесса стали рассматриваться именно как равноправная сторона процесса, не превалирующая над стороной защиты, и следовательно, собранные ими материалы, за редкими исключениями, не могли служить судебными доказательствами.

Это предопределило появление «двух папок»: первая – с материалами дознания, вторая – с доказательствами, полученными в судебном разбирательстве. Суде не имеет права знакомиться с «первой папкой», в связи с чем доказательства стали исследоваться открыто непосредственно в судебном заседании. Этим самым были созданы условия для недопущения формирования у судьи предвзятого отношения к рассматриваемому делу.

Однако не все так гладко. С распространением устности и публичности акцент перемещается в сторону наличия ораторского искусства выступающего, это своего рода «игра на эмоциях». Более искусный докладчик способен донести до сознания присяжных заседателей исключительно нужные ему факты, умолчав при этом о других доказательствах.

Поэтому мы согласны с мнением Ахпанова А.Н. и Казиева З.Г. о том, что благоприятной правовой средой для развития института «сделки с правосудием» является состязательный процесс. Только в состязательном процессе есть две практически равноправные стороны. При этом состязательность характеризуется следующими факторами: 1) стороны сами собирают и представляют доказательства в поддержку своей позиции по делу и излагают доводы, которыми должно быть обосновано решение; 2) акцент делается на столкновении противоположных доказательств и доводов, представленных сторонами; 3) стороны имеют равные возможности по представлению своих доводов и изложению позиции по делу перед субъектом принятия решения; 4) суд нейтрален и процессуально пассивен, отвечает только за разрешение дела. [51, с.98]

Во Франции обвинитель может предложить подозреваемым по мелким преступлениям наказание, не превышающее 1 года тюремного заключения, и если сделка принимается ее должен одобрить судья.

Согласно статьи 41-1 УПК, если прокурор считает, что та или иная мера способна обеспечить возмещение вреда, причиненного потерпевшему, положить конец конфликту, ставшему следствием преступного деяния, или содействовать исправлению лица, его совершившего, то он вправе до вынесения решения о возбуждении публичного иска по выбору: 1) произвести «напоминание» (garpe) совершившему деяние лицу о его обязанностях, основанных на законе; 2) направить это лицо в санитарную, социальную или профессиональную структуру; 3) предложить ему привести в порядок свое правовое положение по отношению к закону; 4) предложить возместить ему вред причиненным деянием; 5) с согласия сторон провести медиацию. [52]

Также у них имеется «штраф по соглашению» по уголовным проступкам, где прокурор вправе предложить обвиняемому: 1) уплатить в казну штраф до 25 тыс. франков (единовременно или в рассрочку до года); 2) передать государству предметы, ставшие орудиями преступления или полученные в результате преступления; 3) передать секретарю трибунала большой инстанции водительские права или охотничье удостоверение на срок до 4 месяцев; 4) бесплатно выполнить работы в общественных интересах продолжительностью до 60 часов.

Кроме того, прокурор может предложить сразу несколько из указанных мер. Если по делу имеется потерпевший, то в качестве дополнительного условия – обязательное возмещение причиненного ущерба. В случае, когда лицо, подлежащее уголовному преследованию, согласно с предложением прокурора, материалы передаются в суд для утверждения соглашения. Судья может непосредственно допросить потерпевшего и подозреваемого с участием их адвокатов. В случае отказа в утверждении соглашения, то предложения прокурора теряют силу, а при утверждении – вступают в силу.

Обратимся к Российскому законодательству. Особый порядок судебного разбирательства - институт российского уголовно-процессуального права, который применяется в Российском уголовном праве и введен для рассмотрения уголовных дел, по которым обвиняемый признает свою вину, и не требуется ее доказывать.

Кремнев К.К. указал, что «Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением является правом обвиняемого. Обвиняемый вправе сделать выбор: или его дело будет рассмотрено по общим правилам, или же по правилам «особого порядка». Не допускается принуждение обвиняемого к согласию с предъявленным ему обвинением и постановлению приговора в «особом порядке». Инициатором такой формы судебного разбирательства выступает только обвиняемый, и лишь в этом случае его согласие следует считать добровольным. Если такое решение принимает не обвиняемый, то нарушается требование закона о добровольности заявления ходатайства. Обвиняемому

следует заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайство о постановлении приговора в «особом порядке», что может служить основанием применения сокращенной процедуры рассмотрения дела со всеми дальнейшими процессуальными последствиями. Сообщение потерпевшим своего мнения о рассмотрении дела в «особом порядке» посредством письменного заявления является оптимальным. Однако потерпевший не лишается права непосредственно в судебном заседании заявить о согласии на «особый порядок», которое будет занесено в протокол судебного заседания. Вместе с тем, закон не обязывает потерпевшего участвовать при рассмотрении дела в «особом порядке», поскольку в ч. 2 ст. 316 УПК РФ отмечается о необходимости участия в судебном заседании подсудимого и его защитника. Это соответствует требованиям процессуальной экономии, позволяет избежать излишних затрат времени и сил суда и сторон по очевидным уголовным делам. Особый порядок судебного разбирательства определенным образом стимулирует поведение обвиняемого, позволяет ему при осознании своей вины избежать неоправданных задержек в разрешении уголовного дела и гарантирует назначение менее строгого наказания». [53]

Особый порядок судебного разбирательства может быть применен по преступлениям, за которые по закону может быть назначено наказание не свыше 10 лет лишения свободы. [54]

Следует помнить, что при рассмотрении дела в особом порядке подсудимому не может быть назначено наказание более двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение вменяемого преступления.

Обращено внимание на то, что обвиняемый вправе заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в момент ознакомления с материалами уголовного дела и на предварительном слушании, когда оно является обязательным, поэтому ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства может быть удовлетворено лишь в том случае, если оно заявлено до назначения судебного заседания.

Приговор, постановленный без проведения судебного разбирательства, не может быть обжалован сторонами в кассационном и апелляционном порядке в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Обжалование допускается лишь в случае нарушений уголовно-процессуального законодательства, неправильного применения уголовного закона либо несправедливости приговора. При этом суд апелляционной инстанции не вправе исследовать доказательства, подтверждающие или опровергающие обвинение. Вместе с тем вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда по делу, рассмотренному в особом порядке, могут быть обжалованы в надзорном порядке без каких-либо ограничений, поскольку статья 317 УПК РФ такого запрета не содержит. [54]

Постановление пленума ВС РФ №60 от 5 декабря 2006 года также разъяснил, что глава 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать

по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности, содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано, а само уголовное дело прекращено. Однако это возможно, если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств.

Следующим условием применения «особого порядка» является требование о том, что обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства (п. 1 ч. 2 ст. 314 УПК РФ). Под характером заявленного ходатайства необходимо понимать «осознание обвиняемым сущности своего решения». Обвиняемый должен четко себе представлять, в чем состоит специфика «особого порядка» и с какими правовыми последствиями связано такое распоряжение им своими процессуальными правами. [55]

Таким образом, для применения особого порядка производства необходимы следующие условия: согласие обвиняемого с обвинением и наличие ходатайства о применении «особого порядка»; категория преступлений, наказание за которые не превышает десяти лет лишения свободы; отсутствие возражений государственного обвинителя и потерпевшего на применение «особого порядка».

По мнению Бахновского А.В.: «В англо-саксонской правовой традиции «сделка с правосудием» - это компромисс личности и государства, который в дальнейшем трансформируется в компромисс нравственности и экономии. В последующем экономический фактор приобретает первостепенное значение, постепенно вытесняя нравственные и духовные параметры общественной оценки. В континентальной правовой традиции правовой институт «сделка с правосудием» возникает в результате рецепции англосаксонского опыта достижения соглашения. Каждое из государств континентальной правовой традиции восприняло лишь те элементы рассматриваемого правового института, которые не противоречили сути сложившихся в этих государствах социальных связей». [56]

Итак, исходя из анализа правового института процессуального соглашения в зарубежных странах следует обратить внимание на следующие моменты:

- позитивным необходимо признать факт использования в казахстанском законодательстве опыта зарубежных стран в деле противодействия и минимизации уровня преступности. Право должно развиваться так, чтобы обеспечивать потребности общества, и в этом большую роль может сыграть такого рода заимствования. Однако это не означает, что иностранные институты и нормы должны перениматься без осмысления.

- как показывает анализ зарубежного опыта применение сделок о признании вины понимается зарубежными законодателями, прежде всего как эффективное средство отправления правосудия с использованием минимальных человеческих и материальных ресурсов, в то же время

высвобождая возможности для раскрытия тяжких преступлений и привлечения к ответственности опасных преступников.

Только при учете всех вышеперечисленных факторов введение сделок о признании вины поможет избежать ряда имеющих место негативных моментов в уголовном процессе и появления новых проблем, связанных с возникновением в нем новых институтов.

Однако следует иметь в виду, и то, что заимствование правового опыта зарубежных государств должно быть творческим, учитывающим только положительное, то есть то, что органически вписывается в сложившуюся систему уголовного процесса Казахстана, которая в своей основе отлична от модели уголовного процесса иностранных государств.

Из вышеописанного международного опыта мы считаем, что отечественной модели института процессуального соглашения пошли бы на пользу следующие заимствования:

1. Из практики США. В случае отклонения соглашения суд рассматривает дело по существу и ... разъясняет обвиняемому право отозвать свое заявление о виновности/ о неоспаривании вины. Если обвиняемый отказался отозвать свои признательные показания, то эти показания останутся в деле и при рассмотрении по существу будут учтены.

Из практики Германии. При отказе от соглашения, признание подсудимого не может быть использовано судом.

2. В соответствии с Федеральными руководящими принципами по вынесению приговоров США суд должен учитывать: ... отягчающие и смягчающие обстоятельства.

Глава 2. Реализация института сделки о признании вины в стадиях уголовного судопроизводства

2.1 Организационно-правовые аспекты досудебного производства при заключении сделки о признании вины

В Концепции правовой политики на период с 2010 по 2020 годы одним из направлений реформирования уголовной политики значится упрощение и повышение эффективности уголовного процесса, в том числе упрощение порядка досудебного производства.

Развитие уголовного законодательства в этом направлении предполагает определение возможностей поэтапного сокращения сферы применения уголовной репрессии, прежде всего по отношению к лицам, не представляющим большой общественной опасности.

Одним их способов реализации указанных задач является введение в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство института процессуального соглашения в форме сделки о признании вины.

В соответствии с пунктом 37) статьи 7 УПК РК «Процессуальное соглашение – соглашение, заключаемое между прокурором и подозреваемым, обвиняемым или подсудимым на любой стадии уголовного процесса или осужденным в порядке и по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом».

Сделка о признании вины как одна из форм процессуального соглашения заключается по преступлениям небольшой, средней тяжести либо по тяжким преступлениям в случае согласия подозреваемого, обвиняемого с подозрением, обвинением.

Почему сделка не может заключаться по особо тяжким преступлениям? Думаем, что правовые последствия данного вида соглашения и общественной опасности указанной категории преступлений просто несопоставимы хотя бы с моральной стороны.

Статья 613 УПК РК определяет следующие условия для заключения соглашения:

- добровольное изъявление подозреваемым, обвиняемым желания на заключение процессуального соглашения;
- подозреваемый, обвиняемый не оспаривают подозрение, обвинение и имеющиеся по делу доказательства в совершении преступления, характер и размер причиненного ими вреда;
- согласие потерпевшего на заключение процессуального соглашения.

Законодательные ограничения на заключение соглашения имеются если есть совокупность преступлений, когда хотя бы одно из них не соответствует требованиям, предусмотренным статьями 612 и 613 УПК РК; несогласие хотя бы одного из потерпевших. Кроме того, процессуальное соглашение не может быть заключено с лицами, совершившими запрещенное уголовным законом

деяние в состоянии невменяемости или заболевшими после совершения преступления психическим расстройством.

Подозреваемый, обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении процессуального соглашения в форме сделки о признании вины в любой момент досудебного производства вплоть до удаления суда в совещательную комнату, т.е. не ограничивается досудебным производством. Соглашение также может быть заключено по инициативе прокурора.

Так, согласно части 1 статьи 614 УПК РК последствиями заключения процессуального соглашения в форме сделки о признании вины являются:

1) Досудебное производство завершается в сроки, установленные статьей 192 УПК РК, т.е. в обычные сроки расследования уголовного дела;

2) Судебное разбирательство в соответствии с частью 2 статьи 382 и главы 64 УПК РК, т.е. в 10-дневный срок с возможностью продления до 20 суток. Сокращенный порядок судебного разбирательства состоит только из допросов самого подсудимого и потерпевшего, выяснения обстоятельств заключения соглашения, вопросов о сроке и порядке выплат по гражданскому иску и процессуальных издержек.

3) Лишение потерпевшего, давшего согласие на заключение процессуального соглашения, права в дальнейшем изменять требование о размере возмещения ущерба. При этом, заключение процессуального соглашения не лишает потерпевшего и гражданского истца права на предъявление гражданского иска.

Орган, ведущий уголовный процесс, получив ходатайство от подозреваемого, обвиняемого или его защитника о заключении сделки о признании вины, в течение трех суток направляет его вместе с материалами дела прокурору. Прокурор, усмотрев в деле возможность заключения процессуального соглашения, предлагает стороне защиты обсудить вопрос о его заключении либо письменно сообщает об отказе в удовлетворении ходатайства. Также прокурор разъясняет последствия заключения соглашения и возможность отказаться от его заключения.

Прокурор при рассмотрении вопроса о возможности заключения процессуального соглашения обязан проверить:

- подпадает ли деяние, совершенное лицом под процессуальное соглашение о производстве в форме сделки о признании вины;
- добровольность заявленного лицом ходатайства о заключении процессуального соглашения и осведомленность о последствиях его заключения;
- лицо не оспаривает собранные доказательства и квалификацию деяния;
- согласие лица с характером и размером причиненного им вреда и гражданским иском;
- отсутствие в деле обстоятельств, влекущих прекращение уголовного преследования.

Для выяснения указанных обстоятельств прокурор вызывает подозреваемого, обвиняемого, его защитника и потерпевшего, у которых выясняет мнение о возможности заключения процессуального соглашения. Лицу, подавшему ходатайство, прокурор разъясняет последствия заключения процессуального соглашения, право отказаться от его заключения.

При несогласии потерпевшего процессуальное соглашение не заключается. Если потерпевший согласен, то с учетом его мнения по вопросу возмещения причиненного преступлением вреда прокурор и сторона защиты в разумный срок заключают процессуальное соглашение, которое излагается в письменном виде и подписывается участниками соглашения

Отказ сторон от заключения процессуального соглашения не препятствует заявлению ходатайства о его заключении повторно.

Статья 617 УПК РК регламентирует, что после подписания процессуального соглашения в форме сделки о признании вины прокурор рассматривает вопрос о необходимости отмены либо изменения меры пресечения в отношении подозреваемого.

В случае необходимости проведения по делу следственных и процессуальных действий прокурор направляет дело органу досудебного расследования. Что происходит довольно редко, так как без явных доказательств подозреваемый не будет торопиться заключать соглашение. Но если все-таки прокурор вернет дело для проведения дополнительных следственных действий, следователь, дознаватель осуществляют сбор доказательств в объеме, достаточном для подтверждения вины подозреваемого, обвиняемого.

При этом, если в результате досудебного расследования будут установлены иные обстоятельства совершения преступления, не предусмотренные процессуальным соглашением, то такое соглашение должно быть пересмотрено. В ходе дополнительно проведенных следственных действий могут быть установлены новые эпизоды, может быть скорректирована сумма ущерба и т.п. А может и вообще вся картина произошедшего измениться. В таких случаях прокурор может и отказаться от заключения нового процессуального соглашения.

Ну, а в случае отсутствия необходимости проведения следственных и процессуальных действий после заключения процессуального соглашения досудебное расследование по делу считается окончанным и прокурор незамедлительно направляет его в суд без обвинительного акта, о чем уведомляет потерпевшего.

Таким образом, процессуальное соглашение о признании вины способствует ускорению досудебного производства и упрощению судебного разбирательства. Признание вины облегчает работу правоохранительных органов в части добывания доказательств, так как признание вины подразумевает сотрудничество в деле раскрытия ранее неизвестных обстоятельств преступления.

Здесь стоит внести ясность. Довод о том, что процессуальное соглашение позволяет упростить досудебное производство не абсолютен. Так, при поступлении ходатайства подозреваемого о заключении процессуального соглашения даже, даже если прокурор «видит», что именно данное лицо обоснованно подозревается в конкретном преступлении и имеются доказательства его причастности, вполне реально, что он, т.е. прокурор, может вернуть ходатайство вместе с материалами уголовного дела органу досудебного расследования для проведения дальнейшего расследования. Как всегда, здесь играет роль множество факторов, от обстоятельств произошедшего и личности подозреваемого до позиции прокурора и сложившейся судебной практики. Это обусловлено тем, что существуют риски того, что «будущий» подсудимый может изменить свою позицию в суде и отказаться от ранее заключенного соглашения, поэтому «для подстраховки» следователи все же проведут дополнительные следственные действия, а возможно и экспертизы. Конечно возврат уголовного дела судом для проведения полноценного досудебного расследования не критичен, ведь закон это позволяет, но есть такая упрямая вещь, как ведомственные показатели, и даже это ничто по сравнению с возможной утратой доказательств пока уголовное дело будет «кочевать» по инстанциям. Поэтому в случае поступления ходатайства о заключении процессуального соглашения уже в ходе судебного разбирательства существенного ускорения судопроизводства не происходит, поскольку указанное ходатайство может быть заявлено и на этапе окончания разбирательства до удаления суда в совещательную комнату, когда основная часть работы была уже проделана.

Подписывая соглашение, подозреваемый соглашается с характером и размером причиненного вреда, и обязан возместить его в сроки, указанные в соглашении. Поэтому от заключения соглашения о признании вины выигрывает также и потерпевший, которому в первую очередь необходимо как можно скорее получить компенсацию за причиненный ему преступлением вред, если это имущественное преступление.

Как уже было сказано, одна из правовых установок Концепции правовой политики Республики на период 2010-2020 годы – это упрощение и повышение эффективности уголовного процесса.

Первым практическим шагом на этом пути явилось принятие 3 декабря 2009 года Закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан по вопросам упрощенного досудебного производства». [57]

Изначально упрощенное досудебное производство апробировалось по так называемым «очевидным» преступлениям небольшой и средней тяжести, если известно лицо, совершившее преступление, которое признает свою вину, не оспаривает собранные доказательства, характер и размер причиненного ущерба. [58, с.12]

Однако основной отличительной особенностью, так и недостатком являлось то, что досудебное расследование должно было быть завершено в течение 15 суток с момента регистрации заявления или сообщения о готовящемся или совершаемом преступлении. Здесь возникает резонный вопрос о том, что делать тем подозреваемым, кто также признался в содеянном преступлении, однако их причастность была установлена по истечении указанного срока. Как правило это касалось дел, по которым проводились оперативно-розыскные мероприятия, например, по делам о торговле наркотиков, взяточничестве и т.д. На указанных лиц не распространялись условия упрощенного судопроизводства, поэтому они даже при полном признании вины и активном содействии следствию были вынуждены проходить все этапы предварительного следствия с проведением морально угнетающих допросов, очных ставок, обысков, экспертиз, а также длительного судебного рассмотрения. И после всего этого надеяться на «смягчающие обстоятельства» при вынесении судебного вердикта. Естественно кто-то скажет, что они сами виноваты, что это мелочь по сравнению с совершенными ими преступлениями. Да это так. Но к чему проведение всех вышеуказанных следственных и других проверочных действий, иногда длительных и дорогостоящих, которыми закрепляются и так всем известные и неоспариваемые обстоятельства. Здесь на «помощь» приходит процессуальное соглашение.

Необходимо признать, что и само процессуальное соглашение не идеально, поэтому в правоприменительной практике возникают определенные проблемы, вызванные разнообразным подходом к требованиям процессуального соглашения и определенными вопросами, которые до настоящего времени не урегулированы законодательством.

Прежде чем приступим к рассмотрению отдельных теоретических и практических вопросов рассмотрим статистику за истекшие три года.

Год	Кол-во ходатайств	Заявлено до суда	Отказано (лицам)	Направлено в суд (дел)	Категория тяжести, %
2017	3686	67%	979	2871	тяжкие - 43% средние – 42% небольшой – 15%
2018	1883	84%	631	1625	тяжкие - 55% средние – 30% небольшой – 15%
2019	2156	85%	788	1812	тяжкие - 57% средние – 27% небольшой – 16%

Как видно значительная часть ходатайств подаются на досудебной стадии уголовного процесса, при этом по трети из них прокурорами выносятся отказы в их удовлетворении. Половина всех заключаемых соглашений в форме сделки о признании вины приходится на тяжкие преступления.

В разрезе регионов вышеуказанные данные выглядят следующим образом:

Регион РК	2017	2018	2019	Итого (место)
Нур-Султан	127	87	60	274 (11)
Алматы	109	39	32	180 (14)
Акмолинская	451	183	199	833 (02)
Актюбинская	121	58	74	253 (12)
Алматинская	173	123	138	434 (07)
Атырауская	239	185	210	634 (05)
Западно-Каз	322	174	183	679 (04)
Жамбылская	66	22	39	127 (16)
Карагандинская	332	298	240	870 (01)
Костанайская	516	130	185	831 (03)
Кызылординская	58	66	107	231 (13)
Мангистауская	22	26	62	110 (17)
Южно-Каз	196	76	109	381 (09)
Павлодарская	126	67	90	283 (10)
Северно-Каз	328	80	155	563 (06)
Восточно-Каз	183	108	114	405 (08)
Шымкент	69	33	78	180 (15)

Исходя из логики следовало предположить, что количество заключенных соглашений напрямую должно зависеть от плотности населения того или иного региона и количества совершенных преступлений. Однако, как видно из указанных данных это не так. В тройке лидеров по количеству заключаемых соглашений находятся Карагандинская, Акмолинская и Костанайская области. Меньше всего – в Жамбылской, Мангистауской областях и городе Шымкент.

Для детального исследования эффективности рассматриваемого института определим порядок заключения и содержание процессуального соглашения.

Итак, по мимо общих анкетных данных подозреваемого, даты и места заключения соглашения, фабулы преступления и квалификации деяния в УПК РК статьей 616 предусмотрено включение обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность и наказание, и нормы уголовного закона, которые могут быть применены в отношении подозреваемого, обвиняемого при соблюдении им условий и выполнении обязательств, указанных в процессуальном соглашении.

При этом, для объективности следует отметить, что не требуется отражение сведений, отягчающих уголовную ответственность. Хотя на практике львиная доля процессуальных соглашений все же содержат обстоятельства как смягчающие, так и отягчающие уголовную ответственность и наказание.

Тулеева М.Е. справедливо отметила, что «УПК РК не регламентирует в какой форме фиксируется беседа прокурора со сторонами, какой процессуальный документ составляется при этом, если стороны не согласны с одним из условий, как фиксируется их замечание или отказ от условий». [59]

Одной из важных особенностей отечественного процессуального соглашения является то, что уголовное дело направляется в суд без обвинительного акта.

Как ранее неоднократно отмечалось процессуальное соглашение может быть заключено, в том числе с подозреваемым. Здесь хотелось бы отразить следующее мнение Сарсенбаева Т.: «Требует особого внимания вопрос, какой процессуальный статус лица, совершившего преступление (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый), позволяет ему инициировать заключение сделки с прокурором? Постановка подобного вопроса не случайна. Среди представителей органов уголовного преследования процесс упрощения досудебного производства стали напрямую связывать с актом заключения сделки именно с подозреваемым.

Однако поддержание подобной позиции приведет к тому, что заключение с подозреваемым сделки о согласии с предъявленным обвинением будет предшествовать самой процедуре предъявления обвинения. В этой связи автор полагает, что заключение с подозреваемым сделки о согласии с предъявленным обвинением преждевременно и противоречит самой сути согласия с предъявленным обвинением. В пользу данной позиции приведены следующие аргументы:

- во-первых, подозреваемый до официального предъявления ему обвинения не знает, в совершении какого преступления он обвиняется, и соответственно, на данном этапе (до предъявления обвинения) отсутствует предмет договора;

- во-вторых, заключение сделки с подозреваемым, до предъявления ему обвинения, способно привести к выбиванию признательных показаний у подозреваемого и его самооговору. В этой связи мы полагаем, что во избежание практики выбивания показаний и нарушения прав и законных интересов подозреваемого сделка о согласии с предъявленным обвинением должна заключаться только с обвиняемым по конкретно предъявленным пунктам обвинения;

- в-третьих, предъявленное обвинение является гарантией того, что обвиняемому и его защитнику известно, в совершении какого преступления он обвиняется, и будет нести уголовную ответственность. Только тогда мы можем судить о том, что его действия, направленные на заключение сделки, носили осознанный и добровольный характер;

- в-четвертых, заключение сделки с обвиняемым (а не подозреваемым) гарантирует, что каждый пункт предъявленного обвинения полно и всесторонне исследован и доказан органом уголовного преследования». [12]

Однако и здесь следует сделать исключение. Так, по преступлениям, где подозреваемый задержан в момент его совершения или непосредственно после его совершения, так называемые «задержания с поличным», заключение процессуального соглашения с подозреваемым явно не будет преждевременным.

Ходатайство о заключении соглашения о признании вины не имеет установленной формы, поэтому устные ходатайства заносятся в протокол следственного действия или судебного заседания, а письменные – приобщаются к материалам дела.

Для заключения процессуального соглашения в форме сделки о признании вины требуется добровольное изъявление подозреваемым, обвиняемым желания на заключение процессуального соглашения; подозреваемый, обвиняемый не оспаривают подозрение, обвинение и имеющиеся по делу доказательства в совершении преступления, характер и размер причиненного ими вреда; согласие потерпевшего на заключение процессуального соглашения.

Но сделка, как таковая, предполагает наличие определенных условий, в выполнении которых заинтересованы обе стороны, в данном случае подозреваемый (обвиняемый) и прокурор. Если обратиться к статье 616 УПК РК, регламентирующей порядок составления процессуального соглашения в форме сделки о признании вины, то в числе названных пунктов этой сделки представляют интерес пункты 7 и 8 части 1 данной статьи:

7) действия, которые подозреваемый, обвиняемый обязуются совершить после заключения процессуального соглашения;

8) вид и размер наказания, о котором будет ходатайствовать прокурор перед судом.

Действия подозреваемого, обвиняемого не ограничиваются тем, что они не оспаривают подозрение, обвинение и имеющиеся по делу доказательства в совершении преступления, характер и размер причиненного ими вреда. Речь идет о чистосердечном признании вины в совершении преступления и, соответственно, детальном показании обо всех его обстоятельствах на допросах и при необходимости на очных ставках. Сюда же следует отнести способствование раскрытию и расследованию преступления в форме добровольного участия в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, содействие в установлении лиц, причастных к совершению преступления, мест их нахождения, возвращение похищенного, обнаружение и изъятие орудий и средств совершения преступления, добровольное возмещение причиненного ущерба либо устранение последствий причиненного вреда.

Здесь обращает на себя внимание позиция отечественного законодателя о том, что в Казахстане соглашение хоть и называется «В форме сделки о признании вины», но в УПК РК отсутствует требование о признании подозреваемым своей вины как таковой.

Более того, пункт 14 Нормативного постановления Верховного суда РК №4 от 07.07.2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве» указывает о том, что прокурор не вправе ставить условием заключения процессуального соглашения признание подозреваемым, обвиняемым своей вины.

Исходя из процессуальной точки зрения следствию более важны конечно же фактические данные, полученные в ходе дачи показаний подозреваемым, нежели признание вины, неподтверждаемое обстоятельствами дела.

В связи с этим Лупинская П.А. совершенно правильно утверждает, что «доказательством является не факт признания обвиняемым своей вины, а сообщаемые им сведения, свидетельствующие о его причастности к совершению преступления и объективно подтверждаемые в ходе проверки». [60]

Однако сам факт признания вины не может быть просто изъят из уголовного дела, поэтому полагаем, что лицо должно признать именно вину, поскольку она отражает психическое отношение лица к совершенному преступлению.

Мы согласны с Андросенко Н.В., что «Сам факт признания подозреваемым, обвиняемым вины в совершении преступления является его оценкой собственных действий, что характеризует моральный облик подозреваемого, обвиняемого». [28, с.8]

Возможно поэтому на практике практически во всех уголовных делах с соглашением присутствует признание подозреваемым своей вины.

Судьи, в описательно-мотивировочной части приговора, описывая смягчающие обстоятельства, зачастую указывают «признание подсудимым своей вины».

Отечественная уголовная политика дает лицам, привлекаемым к уголовной ответственности, достаточно широкий выбор инструментов получения менее строгого наказания, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи УК РК. Это и институты освобождения от уголовной ответственности на досудебной или судебной стадии, и сокращенные процедуры, если дело все же дошло до суда.

Согласно статистическим данным с момента введения процессуального соглашения мы можем наблюдать следующую динамику его доли в общем числе привлечения лиц к уголовной ответственности:

Год	Проц. соглашение	Ускоренное Расслед	Протокол форма	Общий порядок	Итого по 2 – 5 гр.	Прекращение по нереаб
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
2016	2 252	25 069	15 035	23 353	65 709	54 653
2017	3 686	25 134	12 910	21 104	62 834	52 974
2018	1 565	20 263	11 786	20 988	54 602	60 148

Как видно картина не очень радужная. Какие обстоятельства в Казахстане мешают развитию института процессуального соглашения более активно? Давайте попробуем разобраться.

Как видно львиную долю занимает институт освобождения от уголовной ответственности. Для объективности следует отметить, что в статистических данных в перечень уголовных дел, прекращенных по нереабилитирующим основаниям, относятся и прекращения в связи с актом амнистии, истечением срока давности. Однако основное место занимают деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим.

Так, деятельное раскаяние является значительным институтом, стимулирующим правонарушителей к сотрудничеству с правосудием ввиду наличия внушительных инструментов его воздействия на итоговое решение по делу и соответственно на судьбу обвиняемых.

Первое, деятельное раскаяние является институтом освобождения от уголовной ответственности, т.е. не влечет судимости и наказания.

Второе, распространяется на все виды правонарушений, от проступков до особо тяжких преступлений. Правда имеются исключения, о которых укажем ниже.

При этом, не в пользу деятельного раскаяния по сравнению с процессуальным соглашением в форме сделки о признании вины «играют» следующие факторы:

Во-первых, распространяется на лиц, совершивших преступление исключительно впервые. Лица, ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности, однако освобожденные от нее по нереабилитирующим основаниям, не могут на это рассчитывать. Наличие прежней судимости либо привлечение к уголовной ответственности не препятствует заключению процессуального соглашения.

Во-вторых, деятельное раскаяние не относится к лицам, совершивших террористическое преступление, экстремистское преступление, преступление, совершенное в составе преступной группы, преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, пытки, тяжкое или особо тяжкое преступление против личности.

И самое главное, все положительные посткриминальные поступки правонарушитель должен совершить до принятия решения по делу, в том числе, явка с повинной, способствование раскрытию, расследованию уголовного правонарушения, заглаживания вреда, нанесенного уголовным правонарушением.

И четвертым, однако не законодательным фактором, является то, что в основном по делам о тяжких преступлениях или при отсутствии прямого потерпевшего прекращение уголовных дел за деятельным раскаянием не очень частая практика. Как правило, такие дела направляются в суд, и итоговое решение о том прекратить ли дело ввиду деятельного раскаяния или нет, остается за судом.

Институт примирения с потерпевшим также является очень распространенным и порой более «заманчивым» по сравнению с процессуальным соглашением по следующим причинам:

Первое, примирение с потерпевшим является институтом освобождения от уголовной ответственности, т.е. не влечет судимости и наказания.

Второе, носит императивный характер, если правонарушитель примирился с потерпевшим, заявителем, в том числе в порядке медиации, и загладил причиненный вред.

Третье, по тяжким преступлениям, совершенным впервые, могут быть освобождены от ответственности несовершеннолетние, беременные женщины, женщины, имеющие малолетних детей, мужчины, воспитывающие в одиночку малолетних детей, женщины в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет, мужчины в возрасте шестидесяти трех и свыше лет.

На стороне процессуального соглашения в форме сделки о признании вины может быть только, что оно распространяется не только на преступления небольшой и средней тяжести, но и на тяжкие преступления.

Кроме того, как сказала Юрченко Р.Н. «Возможность компенсировать причиненный преступлением вред в «рассрочку», причем, после вступления приговора в законную силу, тогда как при примирении с потерпевшим в порядке статьи 68 УК он должен загладить вред сразу и именно это является одним из условий его примирения с потерпевшим и прекращения уголовного дела. Выбор остается за ним, никто не вправе навязывать ему тот или иной способ завершения производства по делу». [61]

Ускоренное досудебное производство автоматически, без каких-либо условий со стороны органа досудебного расследования, сулит осужденному срок или размер наказания не превышающего половины максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РК.

Основным фактором, препятствующим еще большему распространению данного института является то, что досудебное расследование должно быть закончено в течение 15 суток с момента регистрации ЕРДР. Также особенностью является то, что данное производство не применяется в отношении лиц, не владеющих языком судопроизводства; лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом от уголовного преследования; несовершеннолетних или лицами, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществить свое право на защиту (статья 190 УПК РК).

Кроме того, заслуживает внимания точка зрения Мырзалиева А.Б., который задался вопросом о том, почему институт ускоренного досудебного расследования намного чаще используется правоприменителями, чем процессуальное соглашение. И далее продолжил «Явным преимуществом института ускоренного досудебного расследования является его неизменная классическая форма привлечения к уголовной ответственности, т.е. здесь присутствуют все этапы расследования, которые в буквальном смысле доведены до автоматизма. Эта парадигма сыграла свою роль и любое

отклонение от стандартного мышления должностных лиц уголовного процесса «выбивает их из привычной колеи». [6, с.48]

Отличительной особенностью казахстанского УПК в вопросе процессуальных сроков является их достаточно подробная регламентация. Здесь надо отдать должное нашему законодателю. Все-таки наличие процессуальных сроков способствует большему порядку.

Любое уголовное дело затрагивает интересы как потерпевших, так и подозреваемых, тем более если последние находятся под мерой пресечения, в связи с чем процессуальные сроки на принятие того или иного решения не должны вызывать непонимание у участников уголовного процесса.

Так, в соответствии со статьей 615 УПК РК орган, ведущий уголовный процесс, получив ходатайство о заключении процессуального соглашения, в течение трех суток его вместе с материалами уголовного дела прокурору для решения вопроса о заключении процессуального соглашения.

Для суда также определены сроки – «Сокращенное судебное разбирательство должно быть окончено в срок до 10 суток».

Относительно сроков, которые имеет прокурор на рассмотрение ходатайства подозреваемого на заключение процессуального соглашения, то в УПК РК вплоть до декабря 2019 года имелось неясное определение о том, что «прокурор и сторона защиты в разумный срок заключают процессуальное соглашение». Однако прокурор, рассматривая ходатайство о заключении процессуального соглашения, должен иметь конкретные сроки для объективного рассмотрения и принятия решения по заявленному ходатайству.

Поэтому справедливо, что Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности» от 27 декабря 2019 года № 292-VI ЗРК в часть 4 статьи 615 УПК РК внесены изменения о том, что «Решение по ходатайству о заключении процессуального соглашения о признании вины принимается в течение семи суток с момента поступления уголовного дела в прокуратуру». [62]

В Казахстане место и роль потерпевшего при заключении процессуального соглашения достаточно значимы как минимум по следующим причинам:

1) В соответствии со статьей 615 УПК РК при несогласии потерпевшего процессуальное соглашение не заключается.

2) Эта же статья гласит, что процессуальное соглашение может быть заключено только в случае согласия потерпевшего и с учетом его мнения.

Указанные положения свидетельствуют о заботе государства, но чисто с уголовно-правовой стороны являются достаточно спорными, т.к. зачастую потерпевшие отказываются подписывать процессуальное соглашение ввиду не возмещения ущерба, что относится к области гражданского иска, а не уголовной квалификации противоправного деяния.

Так, следователь устанавливая сумму материального ущерба, опирается на данные самого потерпевшего, при необходимости установления рыночной или иной стоимости имущества привлекаются специалисты или эксперты. Однако такой алгоритм не распространяется на вред неимущественного характера (моральный или иной вред).

К примеру, в 2015 году в г.Астана между прокурором и подозреваемой гр-кой Б. с участием потерпевшей Л. было заключено процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины. На момент заключения сделки были соблюдены все нормы закона, однако в судебном заседании потерпевшая Л. отказалась от ранее поданного согласия на заключение соглашения и просила суд направить дело для расследования в общем порядке.[63]

Поэтому мы согласны с Сарсенбаевой Б.Б. о том, что «субъективная позиция потерпевшего не должна становиться условием, определяющим возможность применения упрощенного порядка производства, так как соблюдение его интересов может быть реализовано путем закрепления условия признания подозреваемым (обвиняемым) всех исковых требований по делу». [14, с.16]

Например, украинские законодатели пошли по иному пути и разделили виды процессуальных соглашений по потерпевшей стороне, т.е. это соглашение о примирении между потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым и соглашение между прокурором и подозреваемым или обвиняемым о признании виновности.

Во втором случае, согласно статье 469 УПК Украины указанное соглашение может быть заключено по уголовным проступкам, преступлениям, в результате которых вред причинен лишь государственным или общественным интересам.

На фоне указанного контраста несколько срединным выглядит положение потерпевшего в Грузии, где прокурор перед заключением процессуального соглашения обязан уведомить потерпевшего и проконсультироваться с ним. При этом потерпевший не вправе обжаловать процессуальное соглашение.

Нормы о том, что процессуальное соглашение не является основанием для освобождения подозреваемого от гражданско-правовой ответственности и соответственно право потерпевшего на предъявление гражданского иска закреплены как в Казахстане, так и в Грузии, однако в украинском УПК об этом не сказано.

Изначально при обсуждении вопроса о введении в казахстанское законодательство вопроса о процессуальном соглашении место потерпевшего не было конкретно определено и изначально Вице-министром МВД Кененбаевым Е.А. предлагалось, что потерпевший, по опыту Грузии, не будет принимать участия при заключении соглашения, но вправе заявить свое мнение в суде. [58]

Однако, как мы видим, законодатель пошел по иному пути и не оставил потерпевших одних со своими проблемами, поэтому мы не согласны с

Беляевой И.М., которая пишет о «процессуальной бесправности потерпевших в Казахстане» указывая, что «во всей главе 63 УПК РК и ни в одной из его статей, регламентирующих порядок заключения соглашения, ни одним словом не прописано и прямо не указано, в какой форме и каким образом такое согласие потерпевшего должно документально оформляться». [64] Практика показывает, что потерпевшие выражают свое согласие с процессуальным соглашением прямо в самом соглашении, удостоверяя своей подписью. Не видим здесь никакой проблемы.

При всем при этом, краеугольным вопросом заключения процессуального соглашения является вопрос о мере наказания, т.е. соглашение будучи процессуальным институтом должно быть очень сильно интегрировано в материальное право. По сути, для стороны защиты процессуальное соглашение является инструментом для получения более мягкого наказания, но на это должны быть соответствующие гарантии.

Например, в Грузии прокурор даже вправе снять часть обвинений по аналогии с американской системой уголовного процесса. В Казахстане же это недопустимо, т.к. скорее будет восприниматься как укрытие преступления.

Следует отметить, что при разработке действующего Уголовного кодекса РК законодатель своевременно ввел новое основание освобождения лица от уголовной ответственности, как выполнение условий процессуального соглашения.

Надо отметить, что прототипом нормы статьи 67 УК РК 2014 года в определенной мере является норма части 2 статьи 65 УК РК 1997 года и предусматривавшая специфический вид деятельного раскаяния. Его суть заключалась в том, что лицо, совершившее преступление, за исключением тяжкого и особо тяжкого преступления против личности, могло быть освобождено от уголовной ответственности, если оно активно способствовало предотвращению, раскрытию и расследованию преступлений, совершенных организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией), транснациональной организованной группой, транснациональным преступным сообществом (транснациональной преступной организацией), или устойчивой вооруженной группой (бандой), изобличению других соучастников преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), транснациональной организованной группой, транснациональным преступным сообществом (транснациональной преступной организацией) или устойчивой вооруженной группой (бандой). [65]

На отсутствие подобной нормы в УК Российской Федерации в свое время обращал внимание и Алекперов Х.Д., который писал: «Недостаток главы УК об освобождении от уголовной ответственности, на наш взгляд, видится в том, что в ней не предусмотрена специальная норма, которая позволяла бы органам уголовной юстиции освобождать от уголовной ответственности отдельных членов преступных формирований в обмен на их свидетельские показания,

изобличающие организаторов и других активных участников организованных преступных групп. Как показывает правоприменительная практика последних лет, отсутствие такой нормы в УК существенно осложняет работу правоохранительных органов по выявлению организованных преступных групп (преступных сообществ), изобличению их организаторов и других активных участников в совершенных ими преступлениях». [66]

Закон предусматривал единственное условие для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по части 2 статьи 65 УК РК 1997 года – совершенное деяние могло относиться к любой категории преступлений, за исключением тяжкого или особо тяжкого преступления против личности. Возможность применения данной поощрительной нормы, даже при совершении лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, обуславливалась тем, что виновное лицо активно способствовало предотвращению, раскрытию или расследованию не любого преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РК, а преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией).

По смыслу закона, освобождение по части 2 статьи 65 УК РК 1997 года надлежало применять как в отношении лиц, совершивших преступление в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), так и в отношении лиц, чьи преступные действия не были связаны с указанными группами или сообществами.

Не являлось препятствием для применения части 2 статьи 65 УК РК 1997 года и повторное совершение преступления при наличии признаков неоднократности или совокупности. Кроме того, освобождение от уголовной ответственности по части 2 статьи 65 УК было возможно не только тогда, когда лицо совершало преступление впервые.

С введением действующего УК РК освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием стало возможным по всем категориям преступлений, правда введено новое ограничение – уголовное дело может быть прекращено в отношении лица, совершившим преступление впервые. Плюс на это влияет личность виновного, его явка с повинной, способствование им раскрытию, расследованию уголовного правонарушения, заглаживание им вреда, нанесенного уголовным правонарушением.

Часть 2 статьи 65 УК РК ограничивает применения положений данной нормы на лиц в том числе совершивших преступление, совершенное в составе преступной группы, тяжкое или особо тяжкое преступление против личности.

Васяев А.А. приводит следующие отличия между деятельным раскаянием и сделкой о признании вины: «разные категории преступлений; неодинаковые последствия рецидива преступлений; учет позиции потерпевшего; дифференциация процессуальной формы окончания досудебного расследования; пределы доказывания по уголовному делу. Кроме того,

отличием является то, что при деятельном раскаянии смягчающие обстоятельства могут и не учитываться судом при вынесении приговора». [67]

На первый взгляд включение новой нормы в институт видов освобождения от уголовной ответственности не может не радовать. Однако если внимательно посмотреть, то складывается ощущение, что при написании статьи 67 УК РК законодатель «очень торопился», не утруждая себя более подробной трактовкой диспозиции и некоторых понятий.

Кроме того, если посмотреть на историю развития данной статьи, то мы увидим, что диспозиция статьи очень коротка о том, что при выполнении всех условий процессуального соглашения лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. При этом не известно о каком виде процессуального соглашения идет речь.

Законом РК от 9 апреля 2016 № 501-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты прав ребенка» статья 67 дополнена частью второй следующего содержания: «Положение части первой настоящей статьи не распространяется на лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, за исключением случаев совершения такого преступления несовершеннолетним в отношении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет». [68]

При этом, чисто механически статья 67 УК РК, имея часть «2», не имела часть «1». Данная ошибка была устранена принятием Закона РК от 12 июля 2018 года № 180-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов» со следующим указанием: «в абзаце первом статьи 67 слово "Лицо" заменить словом "1. Лицо». [69]

Несмотря на дважды внесенные изменения все еще неясным остается вопрос о том, по какому из процессуальных соглашений лицо может быть освобождено от уголовной ответственности.

Кроме того, не урегулирован вопрос, при совершении какого преступления лицо может быть освобождено от уголовной ответственности после выполнения условий процессуального соглашения.

Теоретически, ссылаясь на статью 612 УПК РК, можно предположить, что при заключении сделки о признании вины, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в случае совершения преступлений небольшой и средней тяжести, а также тяжких преступлений.

В свое время Юрченко Р.Н. задаваясь вопросом о том, возможно ли применить норму статьи 67 УК РК по делам с процессуальным соглашением в форме сделки о признании вины, пришла к следующему выводу: хронология событий предполагает, что после заключения сделки изначально суд выносит приговор, с указанием вида и размера наказания, суммы компенсации

причиненного вреда и срок выплаты, и только после вступления приговора в законную силу осужденный его исполняет. Иными словами, первоначально назначается наказание, далее его исполнение и исполнение других условий процессуального соглашения и приговора. Таким образом, можно предположить, что данная норма неприменима к лицам, заключившим процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины. [61]

К вышесказанному относится часть 5 статьи 625 УПК РК, которая гласит «После окончания рассмотрения процессуального соглашения председательствующий выясняет у подсудимого, какой срок ему потребуется для добровольного исполнения судебного акта в части имущественных взысканий, предусмотренных в соглашении, при этом выясняет его семейное и материальное положение».

В подтверждение ее слов можно привести следующий пример. В 2019 году Алматинским районным судом №2 г.Нур-Султан гр-ка Б. была признана виновной в совершении мошенничества, т.е. преступления, предусмотренного частью 1 статьи 190 УК РК, которая путем обмана похитила денежные средства потерпевшего. В соответствии с условиями процессуального соглашения судом назначено наказание в виде 1 года ограничения свободы с обязательством возмещения ущерба потерпевшему в месячный срок со дня вступления приговора в законную силу. [25]

Таким образом, в данном случае алгоритм развития событий, описанный Юрченко Р.Н., нашел свое подтверждение.

Рассмотрим другой пример. В 2019 году гр-ка К. совершила преступление, предусмотренное пунктом 2 частью 3 статьи 190 УК РК. В ходе досудебного расследования подозреваемая полностью возместила причиненный ущерб, однако приговором Атбасарского районного суда Акмолинской области была осуждена к штрафу в 10-кратном размере стоимости похищенного имущества. [25]

Гипотетически между прокурором и подозреваемой могло быть заключено процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины с условием полного возмещения ущерба и в дальнейшем органом досудебного расследования указанное лицо могло быть освобождено от уголовной ответственности в связи с выполнением условий процессуального соглашения.

Отсюда возникает вопрос «Почему же лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности ввиду выполнения условий процессуального соглашения в форме сделки о признании вины?».

Ответ на это вопрос дает Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 года № 4 «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве», в пункте 25 которого указано следующее «Применение статьи 67 УК РК при рассмотрении дела в согласительном производстве недопустимо, поскольку эта норма применима лишь к лицу, заключившему процессуальное соглашение о сотрудничестве, при условии выполнения им всех условий соглашения».

В связи с вышеуказанным рассмотрим освобождение от уголовной ответственности при выполнении условий процессуального соглашения в форме сотрудничества.

Более того, по данному виду процессуального соглашения нет ограничений по категориям преступлений.

Однако, если мы посмотрим на статью 619 УПК РК «Порядок заключения процессуального соглашения о сотрудничестве», то часть 6, по мимо всего прочего, гласит о том, что процессуальное соглашение заключается с соблюдением пунктов 1 – 7) части 1 статьи 616 УПК РК. При этом, именно пункт 8) содержит требование о «виде и размере наказания, о котором будет ходатайствовать прокурор перед судом». [70]

Однако законодатель не включил данное требование в норму о порядке заключения процессуального соглашения в форме сотрудничества.

Кроме того, следующим препятствием на пути к заключению соглашения о сотрудничестве видится отдаленная перспектива выполнения прокурором своей части обязанностей по условиям соглашения. Так, в соответствии с частью 2 статьи 621 УПК РК «Если по результатам проведенного расследования преступлений, относящихся к предмету процессуального соглашения о сотрудничестве, при способствовании подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного изобличены лица, совершившие особо тяжкие преступления, преступления в составе преступной группы, а также экстремистские и террористические преступления, и в отношении виновных лиц постановлен обвинительный приговор, то прокурор принимает меры к выполнению условий процессуального соглашения о сотрудничестве».

Сможет ли прокурор освободить сотрудничавшее лицо от уголовной ответственности? Каким образом это будет выполняться? Согласится ли суд? Как видится вопросов достаточно.

Еще одним фактором, препятствующим реализации статьи 67 УК РК является отсутствие точных гарантий для лиц, изъявивших желание сотрудничать с правосудием, так как словосочетание «может быть освобождено от уголовной ответственности» порождает очень много сомнений. Здесь мы согласны с Галиевым Б.Б. о том, что «виновное лицо, являясь участником организованного преступного формирования, может не отважиться на сотрудничество с органами правосудия в обмен на освобождение от уголовной ответственности, не имея твердых гарантий со стороны закона». [71]

Также хотелось бы отметить, что часть 1 статьи 36 УПК РК «Обстоятельства, позволяющие не осуществлять уголовное преследование» гласит, что «Орган уголовного преследования (т.е. на стадии досудебного производства), суд при наличии соответствующих обстоятельств в пределах своей компетенции вправе прекратить уголовное преследование с освобождением лица от уголовной ответственности», в том числе по статье 67 УК РК.

Однако в соответствии с пунктом 30 вышеуказанного Нормативного постановления Верховного Суда «Дело с ходатайством прокурора в отношении осужденного лица, заключившего процессуальное соглашение о сотрудничестве и выполнившего его условия, не может быть рассмотрено в согласительном производстве, а подлежит рассмотрению в порядке исполнения приговора в соответствии со статьями 476, 477 и 478 УПК».

Из этого следует, что орган уголовного преследования никак не может освободить лицо от уголовной ответственности в связи с выполнением условий процессуального соглашения. Освободить может только суд, при этом от дальнейшего отбывания наказания.

В подтверждение указанного предположения свидетельствуют данные правовой статистики, при анализе которых установлено, что в 2017 году всего в Казахстане было заключено 5 процессуальных соглашений в форме соглашения о сотрудничестве. При этом, в этот же период органами уголовного преследования по статье 67 УК РК прекращено 186 уголовных дел; в 2018 году 5 против 44. Аналогичная ситуация и по другим периодам, что является не логичным. Поэтому при выборочном изучении постановлений о прекращении уголовных дел установлено, что фактически они были прекращены за примирением сторон, т.е. по статье 35 части 1 пункта 12 УПК РК – ст.68 УК РК.

На основании вышеизложенного, предлагаем рассмотреть вопрос о внесении изменений и дополнений в действующую редакцию статьи 67 УК РК путем изложения в следующем виде:

«Статья 67 УК РК. Освобождение от наказания при выполнении условий процессуального соглашения в форме сотрудничества.

Часть 1. Лицо, выполнившее все условия процессуального соглашения в форме сотрудничества может быть освобождено судом от наказания.

Часть 2. (без изменений)».

Следующим вопросом, на которое хотелось бы обратить внимание, является недостаточное нормативное регулирование вопроса отказов прокурорами в заключении процессуальных соглашений, что порождает путаницу и различную практику.

Ходатайство подозреваемого, обвиняемого, подсудимого о заключении процессуального соглашения следует рассматривать официальным обращением, свидетельствующим о признании своей вины и просящим взамен определенного снисхождения.

Согласно пункту 33) статьи 7 УПК РК ходатайство – это просьба стороны или заявителя, обращенная к органу, ведущему уголовный процесс, о производстве процессуального действия или принятии процессуального решения. При этом часть 6 статьи 99 УПК РК гласит, что о полном или частичном отказе в его удовлетворении орган, ведущий уголовный процесс, выносит мотивированное постановление, которое доводится до лица, заявившего ходатайство.

Думается, что доводов в пользу того, что прокурор должен выносить обоснованное постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении процессуального соглашения, можно найти еще, но и так все понятно.

Так, если суды отказывая в вынесении судебного решения по условиям процессуального соглашения, выносят мотивированное постановление, при этом общие основания урегулированы УПК, то прокуратура может возвратить уголовное дело органу уголовного преследования «в связи с отсутствием оснований для заключения процессуального соглашения». Естественно заключать или не заключать процессуальное соглашение - это право прокурора, а не обязанность, но все-таки было бы правильнее конкретно обосновывать причины отказов в заключении соглашений.

В эту же «копилку» можно добавить отсутствие соответствующей правовой статистики. То есть цифры имеются, например, в 2017 году из 3686 ходатайств подозреваемых о заключении процессуальных соглашений в форме сделки о признании вины по 979 прокурорами отказано, в 2018 году из 1883 – по 631 отказано, в 2019 году из 2156 – по 788 отказано. Однако, что скрывается за этими цифрами, к сожалению, не известно. Располагая необходимыми данными можно было бы сделать соответствующий анализ.

Однако и указанная статистика неполноценна, так как отсутствие жесткого отчета в этой части способствует тому, что определенная часть отказов в заключении процессуальных соглашений выносятся через базу «Қадағалау», т.е. путем обычного документооборота через канцелярию, а не через базу «Единого реестра досудебных расследований», поэтому в статистику такие отказы не попадают.

Более того, в соответствии с частью 4 статьи 615 УПК РК отказ прокурора от заключения процессуального соглашения обжалованию не подлежит.

Например, в соответствии со статьей 448.1 УПК Италии «если прокурор не соглашается на сделку с подсудимым, то подсудимый уже после слушания дела может ходатайствовать перед судьей об исследовании причин, послуживших основанием для отказа от такого соглашения, и попросить судью снизить срок наказания на одну треть». [47, с.81]

Для объективности следует частично согласиться с некоторыми высказываниями о том, что если у прокурора имеются неприязненные отношения или какой-либо иной интерес он может без объяснения причин отказать в рассмотрении ходатайства подозреваемого о заключении процессуального соглашения.

На наш взгляд обстоятельствами, объясняющими малую эффективность института процессуальных соглашений, являются:

- 1) Отсутствие законодательного запрета на использование признательных показаний подозреваемого в случае его отказа от процессуального соглашения.

2) И без того малое количество заключаемых процессуальных соглашений усугубляется отказами прокуроров. При этом, данные отказы не обязательно должны быть мотивированными.

3) Невозможность заключения процессуального соглашения без согласия потерпевшего. Субъективное мнение потерпевшего не должно являться препятствием при заключении соглашения, особенно по неимущественным правонарушениям.

Считаем, что решение указанных аспектов законодательного регулирования и практики применения института процессуального соглашения приведет к его более активному применению на практике.

2.2 Организационно-правовые аспекты рассмотрения уголовного дела в суде в согласительном производстве

Применение института процессуального соглашения в форме сделки о признании вины на стадии судебного рассмотрения регламентировано главой 64 УПК РК и именуется как согласительное производство.

Суть согласительного производства состоит в том, что подсудимый и его защитник соглашаются с содержанием обвинения, квалификацией преступления, характером и размером причиненного преступлением ущерба и достигают соглашения в отношении запрашиваемых прокурором в суде виде и размере наказания.

Процессуальная экономия и другие качества, присущие уголовному судопроизводству с процессуальными соглашениями, повлияло на расширение действия принципа «целесообразности».

При этом, суть сделки о признании вины не совсем «вписывается» в систему романо-германского права, так как соглашение не освобождает суд от обязанности проверять достоверность признания вины подсудимым и всех других доказательств его виновности, поскольку и в этих случаях суд подчинен принципу установления материальной истины.

Во многих странах одинаковые закрепленные процессуальные права имеют разные подходы реализации. Принимаемые нововведения в законодательства имеют разные цели и процессуальные формы.

В Казахстане основанием для проведения согласительного производства является наличие процессуального соглашения в форме сделки о признании вины, заключенного между подозреваемым, обвиняемым и прокурором в ходе досудебного производства либо между подсудимым и прокурором в ходе судебного разбирательства.

Законодатель, ставя во главу соблюдение принципа законности, а также обеспечения защиты прав участников уголовного процесса, в данном случае подсудимого, от потенциального необоснованного обвинения, введения в заблуждение или использования доказательств, полученных недопустимым путем, наделил подсудимого правом отказаться от ранее заключенного

процессуального соглашения. При этом такой отказ может быть заявлен вплоть до удаления суда в совещательную комнату.

Научная литература буквально пестрит высказываниями о возможности запугивания подозреваемых или их обмана с целью любой ценой получить признательные показания, поэтому законодатель предусмотрел указанные опасения, и если подсудимый в ходе судебного разбирательства начнет сомневаться в правильности своего выбора, в честности следователя, расследовавшего его дело, и в обоснованности доказательств его виновности, то он может выразить несогласие с процессуальным соглашением. При этом подсудимый естественно должен понимать, что в этом случае суд возвратит уголовное дело прокурору для проведения полноценного досудебного расследования.

И так, что же происходит с уголовным делом после его поступления в суд? Судья, получив и изучив дело, проводит предварительное слушание. В соответствии со статьей 321 УПК РК предварительное слушание проводится с целью принятия одного из следующих решений: о направлении дела по подсудности; о направлении дела прокурору; о прекращении дела; о приостановлении производства по делу; о соединении и выделении уголовных дел; о рассмотрении ходатайств сторон.

Следует отметить, что данная стадия вовсе не является обязательной, за исключением дел об особо тяжких преступлениях. По мимо своего мнения, предварительно сформировавшегося в результате изучения дела, судья заслушивает мнения сторон. По делам, производство по которым окончено в обычном порядке, обычно адвокаты максимально используют данную стадию для убеждения суда о необходимости прекращения дела, его приостановления или иного решения, могущего положительно отразиться на их подзащитном. Однако по делам с процессуальными соглашениями проведение предварительного слушания предполагает, что стороны обвинения и защиты уже договорились об условиях соглашения, у них отсутствуют противоречия, поэтому суд не может опираться на доводы той или иной стороны. В связи с чем суд опирается исключительно на материалы дела на предмет их соответствия требованиям закона.

Так, в соответствии со статье 623 УПК РК суд по результатам предварительного слушания принимает одно из следующих решений и выносит постановление о:

- 1) Назначении разбирательства в согласительном производстве.
- 2) Возвращении уголовного дела прокурору, если отсутствуют основания для применения согласительного производства.

Отсутствие оснований подразумевает отсутствие согласия потерпевшего; обнаружение того, что обвиняемый дал согласие недобровольно либо выразил несогласие с предъявленным обвинением и т.п.

Например, в 2019 году Казыбекбийским районным судом города Караганды в согласительном производстве рассмотрено уголовное дело по

обвинению гражданки «А.В.А.» в совершении преступления, предусмотренного ст.190 ч.3 п.1 УК РК. По условиям процессуального соглашения стороны согласны на назначение наказания в виде ограничения свободы сроком на 3 года с установлением пробационного контроля сроком на 3 года. Однако в суде «А.В.А.» заявила, что не согласна с дополнительным наказанием в виде лишения ее права занимать должность директора руководимого ею учреждения. [25]

3) Возвращении уголовного дела прокурору с предоставлением возможности составления нового соглашения, если суд не согласен с квалификацией преступления, размером гражданского иска, видом и (или) размером наказания.

Возвратить дело суд может по вопросам неправильной квалификации, например, дело направлено по тяжкому преступлению, тогда как фактически в действиях обвиняемого усматриваются признаки особо тяжкого преступления либо дело направлено преступлению небольшой тяжести, тогда как фактически присутствует состав уголовного проступка. Сюда же можно отнести совокупность указанных категорий правонарушений либо просто неверную квалификацию.

К примеру, в 2019 году Медеуским районным судом города Алматы в согласительном производстве рассмотрено уголовное дело по обвинению гражданина «Х.А.Н.» в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст.188 ч.1, 188 ч.2 УК РК. По условиям процессуального соглашения стороны согласны на назначение наказания в виде ограничения свободы сроком на 2 года с установлением пробационного контроля. Однако при квалификации деяния обвиняемого органом досудебного расследования и прокурором не были учтены изменения в уголовном законодательстве. Так, второй эпизод кражи, имевшей место 5 июля 2019 года, квалифицирован по статье 188 части 2 пункту 2 УК как тайное хищение чужого имущества, совершенное неоднократно. Между тем, указанная норма УК исключена Законом РК от 21 января 2019 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты права собственности, арбитража, оптимизации судебной нагрузки и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства», а признак неоднократности предусмотрен пунктом 2 части 3 статьи 188 УК. В связи с чем, суд постановил вернуть дело прокурору ввиду несогласия с квалификацией преступления, указанной в процессуальном соглашении, с предоставлением возможности заключения нового соглашения. [25]

Но есть и обратная сторона. Так, в соответствии с пунктом 9 Нормативного постановления Верховного суда РК №4 от 07.07.2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве», если в ходе главного судебного разбирательства по уголовному делу об особо тяжком преступлении государственный обвинитель путем частичного отказа от обвинения изменит обвинение на менее тяжкое преступление и потерпевший не

будет настаивать на прежнем обвинении, то суд должен прекратить дело в части, и по новому обвинению разъяснить сторонам об их праве на заключение соглашения о признании вины.

Данный пункт таит в себе опасность, так как прокурор и особенно обвиняемый, заключив соглашение, по-своему обоснованно рассчитывают на исполнение его условий. При этом, подозреваемому необходимо учитывать положения пункта 13 Нормативного постановления Верховного суда РК №4 от 07.07.2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве» о том, что в соглашении о признании вины не должно содержаться условие, согласно которому суд должен назначить подсудимому определенный вид и размер наказания, а в соответствии с пунктом 8) части первой статьи 616 УПК в нем должен быть указан вид и размер наказания, о котором прокурор будет ходатайствовать перед судом.

Здесь мы согласны с мнением судьи Бердыгуловой Ж.К. о том, что «Возможность назначения более мягкого наказания или освобождения его от уголовной ответственности зависит только от усмотрения суда, поскольку тот или иной исход дела не является предметом процессуального соглашения, а является правом суда. Таким образом, весьма неопределенную перспективу судебного рассмотрения уголовного дела и отсутствие положений об ответственности государственных органов за несоблюдение условий подписанного прокурором соглашения следует признать главным недостатком процессуального соглашения». [17]

Возникает вопрос «Возможно ли без возвращения уголовного дела там же в суде с учетом мнения прокурора и подсудимого пересмотреть условия соглашения?». Ответ и да, и нет. Так в соответствии с пунктом 20 Нормативного постановления Верховного суда РК №4 от 07.07.2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве» согласительное производство проводится судом в пределах заключенного соглашения о признании вины. Суд в согласительном производстве вправе принять решение, не предусмотренное соглашением о признании вины, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Иными словами, если суд посчитает возможным еще более смягчить предлагаемую меру наказания, то будет вынесен соответствующий приговор. Но если суд посчитает предлагаемую меру наказания чрезмерно мягкой или иные вышеуказанные условия соглашения несоразмерными тяжести совершенного преступления, то по этой причине может возвратить дело для заключения нового соглашения.

После заключения сторонами нового процессуального соглашения о признании вины в соответствии с постановлением суда по вопросам квалификации преступления, размера гражданского иска, вида или размера наказания прокурор направляет уголовное дело вместе с новым процессуальным соглашением в суд для его рассмотрения в согласительном производстве (ч.2 ст.623 УПК РК).

Что касается особенностей, связанных с порядком рассмотрения уголовных дел в согласительном производстве, то согласно пункту 5) части 1 статьи 382 УПК при заключении процессуального соглашения (наряду с другими критериями, такими как подсудимый признает свою вину в полном объеме, в том числе размер причиненного уголовным правонарушением вреда и предъявленные к нему иски требования; в ходе досудебного производства не допущено нарушение или ущемление прав участников процесса, установленных настоящим Кодексом; участники процесса не оспаривают относимость и допустимость доказательств, собранных по делу, и не настаивают на их исследовании в судебном заседании; при ускоренном досудебном производстве по делу) предусмотрен сокращенный порядок судебного разбирательства.

Статья 624 УПК регламентирует, что законом ограничен круг участников процесса при рассмотрении дела в согласительном производстве. В нем участвуют только прокурор, подсудимый и его защитник. Потерпевший, гражданский истец и их представители в судебное заседание не вызываются. При необходимости суд может организовать их участие в судебном разбирательстве, в том числе с помощью научно-технических средств. То есть закон не обязывает суд вызывать потерпевшего, однако если учесть, что приговор, вынесенный по итогам согласительного производства, может быть обжалован только осужденным, участие потерпевшего в судебном заседании является очень важным. Во избежание недоразумений суду необходимо убедиться в том, что потерпевший выражает свою волю действительно добровольно и осознанно.

Так, в 2019 году при рассмотрении судом Сарыаркинского районного суда №2 уголовного дела в отношении гражданина «Д» по статье 200 части 2 УК РК в согласительном производстве потерпевшая «О» заявила, что при заключении данного процессуального соглашения находилась в неведении об условиях заключения и его последствиях, ввиду не разъяснения должным образом ее прав. В связи с этим, она выразила категорическое несогласие с соглашением и суд вернул уголовное дело прокурору. [25]

В соответствии со статьей 625 УПК само судебное разбирательство начинается с разрешения отводов и ходатайств. После чего председательствующий объявляет о начале рассмотрения процессуального соглашения о признании вины и предлагает прокурору изложить его суть. После выступления прокурора председательствующий выясняет у подсудимого, понятно ли ему содержание процессуального соглашения и согласен ли он с ним. Выяснив позицию подсудимого, председательствующий предлагает защитнику и прокурору сообщить мнение относительно процессуального соглашения и признания вины, а также уточняет, поддерживают ли они это соглашение.

После окончания рассмотрения процессуального соглашения председательствующий выясняет у подсудимого, какой срок ему потребуется

для добровольного исполнения судебного акта в части имущественных взысканий, предусмотренных в соглашении, с выяснением его семейного и материального положения.

То есть, классическое развитие событий, если так можно сказать, предполагает, что сначала подозреваемый признает вину, взамен на что получает менее строгое наказание, и после приговора исполняет другие условия соглашения, в основном в части имущественных взысканий.

Примером вышеуказанного может быть следующий случай. Гражданин «У.Р.К.» путем злоупотребления доверием потерпевшего завладел его денежными средствами в сумме 1 млн.тенге. В ходе досудебного производства подозреваемый полностью признал свою вину и с ним было заключено процессуальное соглашение с учетом мнения потерпевшего. Приговором Алматинского районного суда №2 города Нур-Султан подсудимый приговорен к 1 году ограничения свободы с установлением пробационного контроля. Гражданский иск удовлетворен и подсудимому определен месячный срок для возмещения ущерба потерпевшему. [25]

Однако практика показывает, что такие случаи достаточно редки. Основными причинами тому служат несогласие потерпевших на заключение процессуального соглашения ввиду не возмещения ущерба. Зачастую потерпевшие не желают «идти на уступки» подозреваемым, так как в случае подписания соглашения правонарушитель получит снисхождение в наказании, а вопрос возмещения ущерба может «уйти на второй план».

Такому положению также способствуют ведомственные позиции правоохранительных органов. Ведь количество заключенных процессуальных соглашений наряду или в связи с полным возмещением ущерба, будь то потерпевшим либо государству, положительно смотрится в итоговых показателях. Тогда как наличие невозмещенного ущерба, тем более переходящего из одного отчетного периода в следующий, отрицательно сказывается на общем итоге деятельности следственных подразделений, и соответственно на органе в целом.

Подтверждением вышесказанному является судебная практика. Так, большинство изученных приговоров судов, вынесенных в согласительном производстве, свидетельствуют о том, что на момент судебного рассмотрения, как правило, подсудимыми ущерб уже возмещен. Поэтому такие дела не представляют никакой сложности для судьи и в среднем рассматриваются в течение 3 – 5 дней с момента поступления в суд.

При согласительном производстве судебные прения не проводятся и нет последнего слова подсудимого, однако ему должно быть также предоставлено право что-либо дополнительно сообщить суду.

Выслушав подсудимого, председательствующий удаляется в совещательную комнату и сообщает время оглашения судебного решения. При этом, в соответствии с требованиями, предъявляемыми к сокращенным

производствам, все судебное рассмотрение должно быть завершено в 10-дневный срок, в исключительных случаях с продлением до 20 суток.

Прежде чем более подробно рассмотрим теоретические и практические аспекты исследуемого института взглянем на нижеследующие статистические данные.

Год	Рассмотрено	Прекращено		Возвращено	
		В связи с примирением	Отсутствие состава	п.2,3) ч.1 ст.623 УПК	п.1,2,3) ч.1 ст.626 УПК
2016	2272	164	1	75	176
2017	3534	231	0	150	252
2018	2453	57	0	96	196
2019	2632	69	1	133	224

Основной интерес представляют данные из последних двух столбцов. Попробуем разобраться, что скрывается за данными цифрами.

Многие авторы основными причинами, препятствующими заключению процессуальных соглашений, указывают не согласие потерпевших. Возможно это так, но скорее всего такие отказы в основном имеют место еще на досудебной стадии, поэтому в судебных решениях это большая редкость.

Поэтому собственный анализ судебных приговоров по делам с процессуальными соглашениями показал, что основными причинами возврата дел прокурору являются:

1. Несогласие суда с чрезмерно мягкой предложенной мерой наказания.

2. Не отражение всех требований, необходимых для вынесения приговора (отсутствие сведений о предлагаемом дополнительном виде наказания, о процессуальных издержках, о гражданском иске, о требованиях пробационного контроля, о взысканиях в фонд компенсации потерпевшим и т.д.);

Например, в Восточно-Казахстанской области по указанным основаниям возвращено прокурору дело с заключенным процессуальным соглашением в отношении «Ж.Д.Н.». После составления нового соглашения назначено 3 года 6 месяцев ограничения свободы, взыскано 20 тысяч тенге процессуальных издержек и 20 МРП в фонд компенсации потерпевшим. [25]

3. По многоэпизодным делам предлагается общее наказание, а не по каждому эпизоду отдельно;

4. Иногда причинами возврата дел явились: отказ потерпевшего; указание ссылки на группу лиц по делам с одним обвиняемым; заключение соглашений на русском языке когда дело расследовалось на государственном языке и т.д.

Итак, по итогам рассмотрения процессуального соглашения в согласительном производстве суд выносит одно из следующих мотивированных решений:

1) Постановление о возвращении уголовного дела прокурору, если отсутствуют основания для применения согласительного производства.

2) Постановление об отказе в рассмотрении дела в порядке согласительного производства и о возвращении уголовного дела прокурору, если у суда возникли сомнения в виновности подсудимого.

В обоих случаях уголовное дело возвращается прокурору для производства расследования в общем порядке.

3) Постановление о возвращении уголовного дела прокурору для заключения нового процессуального соглашения, если суд не согласился с квалификацией преступления, размером гражданского иска либо видом или размером наказания, указанным в процессуальном соглашении.

Ну если суд вновь после предварительного слушания не согласится с новым процессуальным соглашением о признании вины, то он выносит постановление об отказе в рассмотрении дела в согласительном производстве и направляет дело прокурору для осуществления по нему производства в общем порядке.

По первым трем основаниям возврата ситуация в 2019 году выглядит следующим образом:

- отсутствие оснований для применения согласительного производства - 211 (32%);
- для составления нового процессуального соглашения - 400 (60%);
- несогласие суда с новым процессуальным соглашением – 51 (8%).

При рассмотрении дел в согласительном производстве позиция судов и прокуроров по мере наказания существенно расходятся, что является частым основанием для возвращения дела. В отдельных случаях прокуроры предлагали назначить чрезмерно мягкое наказание, несоизмеренное содеянному преступлению.

При решении вопроса о заключении процессуальных соглашений прокуроры не надлежаще изучают личность виновных, их поведение до и после совершения преступления, наличие у них прежних судимостей, что в итоге влечет неправильное ориентирование суда на назначение несоизмеренного наказания.

Так, в Акмолинской области дважды необоснованно заключалось соглашение с ранее судимым «Л», обвиняемого по части 1 статьи 106 УК, которые судом возвращены ввиду чрезмерной мягкости предложенного наказания (3 года 8 месяцев ограничения свободы). В последующем дело направлено в суд в общем порядке, по результатам его рассмотрения «Л» осужден к 4 годам лишения свободы.

Имеются факты необоснованного заключения соглашений с лицами, имеющими опасный рецидив преступлений.

Например, в Костанайской области заключено соглашение с рецидивистом «С», совершившим тяжкое преступление, который в последующем осужден к 3 годам 6 месяцев ограничения свободы. Между тем, не было учтено, что в общей сложности он трижды отбывал наказание в местах лишения свободы (22 года), в т.ч. два раза за изнасилования и один за кражу.

Всего прокурорами заключено 112 соглашений с ранее судимыми лицами, из них 68 совершившим тяжкие преступления, в том числе 17 лиц, в чьих действиях признан рецидив и опасный рецидив.

Допущены факты неверной квалификации действий виновных лиц, при наличии в их действиях более тяжкого преступления.

Например, в Алматинской области судом для предъявления более тяжкого обвинения (покушение на убийство), возвращено процессуальное соглашение, заключенное прокурором с подозреваемым «С», по факту причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему. Суд мотивировал свое решение тем, что прокурором при квалификации деяний обвиняемого не дана должная оценка обстоятельствам происшествия, в частности характеру и локализации и количеству нанесенных телесных повреждений потерпевшему, причины прекращения неправомерных действий.

В Павлодарской области по делу в отношении «Е» о совершении самоуправства (тяжкое преступление) суд вернул процессуальное соглашение прокурору по причине не разъяснения обвиняемому и потерпевшей последствий заключения сторонами процессуального соглашения (несогласие с суммой иска 15 млн.тенге). В дальнейшем действия обвиняемого переквалифицированы на особо тяжкое преступление (вымогательство в особо крупном размере) с направлением в суд (осужден к 9 годам лишения свободы).

После возврата судами прекращено 54 дела, из них по реабилитирующим основаниям 2 дела, по нереабилитирующим основаниям 52 дела, прерваны сроки расследования по 5 делам (из них п.2 ч.7 ст.45 УПК-3, п.3 ч.7 ст.45 УПК-2), находятся в производстве 25 дел.

К примеру, в ВКО суд возвратил прокурору уголовное дело в отношении «Б» по ст. 188 ч. 3 п. 2 УК, поступившее с процессуальным соглашением в форме сделки о признании вины (3 года 6 месяцев ограничения свободы), в связи с отказом подсудимым в рассмотрении дела в согласительном производстве (не признал вину). Между тем, в результате не достаточного изучения личности «Б», который ранее 16 раз привлекался за кражи, к нему не была применена мера пресечения в виде «содержания под стражей», что позволило ему скрыться. Его местонахождение до настоящего времени не установлено (дело прервано за розыском).

В отдельных случаях суды необоснованно вернули дела прокурорам, создав неоправданную волокиту и длительное разбирательство по делу.

Так, Темиртауским судом Карагандинской области возвращено уголовное дело с заключенным соглашением в отношении «С» (ч.3 ст.189 УК) в связи с несогласием с предложенной мерой наказания 3 лет 6 месяцев ограничения свободы. Вместе с тем, после заключения нового соглашения приговором суда подсудимой назначено такое же наказание в виде 3 лет 6 месяцев ограничения свободы.

Аналогично Уральским городским судом ЗКО после отказа в рассмотрении в согласительном производстве в связи с несогласием с мерой

наказания (3,6 лет ограничения свободы) в отношении «Я» (ч.1 ст.106 УК), по результатам рассмотрения в главном судебном разбирательстве назначено наказание в виде 3 лет 6 месяцев ограничения свободы.

Следующими возможными вариантами решений суда могут быть.

4) Обвинительный приговор с назначением подсудимому наказания, решением по гражданском иску и другим взысканиям в соответствии с процессуальным соглашением.

5) Постановление о прекращении производства по уголовному делу, если обнаружены обстоятельства, перечисленные в статье 35 настоящего Кодекса.

Согласно пункту 27 Нормативного постановления Верховного суда РК №4 от 07.07.2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве» по итогам рассмотрения соглашения о признании вины в согласительном производстве вынесение оправдательного приговора не предусмотрено. При обнаружении обстоятельств, указанных в статье 35 УПК, суд выносит постановление о прекращении производства по уголовному делу по основаниям, не связанным с исследованием доказательств». Не совсем понятно разъяснение об «основаниях, не связанным с исследованием доказательств». Думается, что ввиду невозможности вынесения оправдательного приговора, однако при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу, судам надлежит прекращать производство по реабилитирующим основаниям.

На фоне вышеуказанного очень интересными выглядят размышления судьи Бердыгуловой Ж.К.: «На суде лежит ответственность удостовериться в том, что обвиняемый, признавая вину или заявляя о нежелании оспаривать обвинение, делает это добровольно, полностью осознавая последствия своих действий. Если же судья видит, что подсудимого каким-то образом принудили к признанию вины, то он обязан аннулировать сделку. Судья отвечает за соблюдение законности. Если судья чувствует неуверенность в ответах подсудимого, возможно, он делает долгие паузы, то судья должен задать ему дополнительные вопросы. Ни для кого не секрет, что порой невинные признают вину. Тогда, продолжает Бердыгулова, судье необходимо задать подсудимому вопрос: «Признаете ли вы себя виновным, потому что вы действительно виновны?» Если подсудимый сомневается или отвечает «Нет, Ваша честь, но я думаю, что я должен признать вину» то такое признание нельзя признать реальным волеизъявлением. Все достаточно просто. Если судья понимает, что, признавая себя виновным, подсудимый руководствуется какими-то причинами, отличными от его фактической вины, то он не должен принимать такое признание». [17]

Примечательно, что вышеуказанное мнение не совпадает с позицией Верховного Суда. Так, в пункте 14 Нормативного постановления Верховного суда РК №4 от 07.07.2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве» указано, что прокурор не вправе ставить

условием заключения процессуального соглашения признание подозреваемым, обвиняемым своей вины.

Закон указывает, что в процессуальном соглашении в форме сделки о признании вины, по мимо общих данных, также указываются сведения о смягчающих обстоятельствах, действиях подозреваемого, который он обязуется совершить после заключения соглашения и другое.

Вместе с тем, в приговоре, вынесенном в согласительном производстве, по мимо прочего, должно быть указано о гражданском иске, процессуальных издержках и т.п. Кроме того, если подсудимый обвиняется в совершении преступлений в совокупности, то в соглашении указываются вид и размер наказания за каждое преступление, а также вид и размер окончательного наказания. Возникает вопрос «От куда суд должен взять указанные сведения, если их нет в процессуальном соглашении? Не будет же судья измышлять?». Ответ – ни от куда. Все сведения, необходимые для вынесения приговора, должны быть отражены в процессуальном соглашении.

Так, в 2019 году постановлением Медеуского районного суда №2 города Алматы уголовное дело в отношении гражданина «К» по ст.366 ч.3 п.3 УК РК возвращено прокурору по следующим основаниям: по всем эпизодам обвинения не указаны квалифицирующие признаки; не указана общая сумма взятки; в пункте 4 процессуального соглашения указано наказание в виде штрафа в размере 17 832 500 тенге, однако из какого расчета она взята не указана; в пункте 4 процессуального соглашения также указано, что прокурор будет ходатайствовать о признании обвиняемого виновным в совершении уголовного правонарушений предусмотренных ст.ст.366 ч.1, 366 ч.3 п.4, 366 ч.3 п.4 УК РК, что является неверным, так как в соответствии с п.3 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан №11 от 25.12.2006 года «О квалификации неоднократности и совокупности уголовного правонарушений» указано – при совершении нескольких уголовных правонарушений, предусмотренных различными частями одной и той же статьи УК, предусматривающими разные квалифицирующие признаки, эти деяния в целом подлежат квалификации лишь по той части статьи, которая устанавливает более строгое наказание и охватывает квалифицирующие признаки. [25]

Отечественный законодатель предоставил максимально возможное время стороне защиты для подачи ходатайства о заключении процессуального соглашения. Такая возможность имеется и в ходе судебного разбирательства.

Следует отметить, что в первоначальном виде в действующем УПК РК такая возможность распространялась только на досудебной стадии. Однако до вступления в силу положений УПК Законом «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшего совершенствования системы государственного управления» № 248-V от 7 ноября 2014 года [72] данное право было распространено на весь процесс производства по уголовному делу, вплоть до

удаления суда в совещательную комнату. Ну а сегодня ходатайствовать о заключении процессуального соглашения в форме сделки о признании вины может и прокурор.

На деле это происходит следующим образом – при поступлении ходатайства о заключении процессуального соглашения о признании вины судья прерывает судебное разбирательство и предоставляет сторонам разумный срок для его заключения. Необходимо подчеркнуть, что при не достижении согласия сторонами по условиям процессуального соглашения рассмотрение уголовного дела судом продолжается в общем порядке.

По вопросу временного промежутка, в течение которого предоставляется возможность для заключения процессуального соглашения, существует много различных научных и практических взглядов. Одни считают, что такая возможность должна предоставляться только на досудебной стадии и апеллируют тем, что иначе теряется смысл ускорения уголовного судопроизводства.

Это мнение заслуживает внимание, так как орган досудебного расследования проведя полноценное расследование с привлечением специалистов, экспертов, установлением свидетелей, проведением исследований и других многочисленных следственных действий, затрачивая на это много сил, средств и времени, все-таки заканчивает дело. В суде подсудимый под тяжестью доказательств признает вину. В случае же если такое признание вины и последующее заключение соглашения произошло непосредственно перед удалением судьи в совещательную комнату, когда осталось только вынести приговор, теряются цели самого процессуального соглашения.

Мы согласны с Сарсенбаевым Т., что «заключение с прокурором сделки о согласии с предъявленным обвинением влечет естественный для специалистов вопрос, предоставляет ли подобный акт прокурору право уменьшить объем предъявленного обвинения и предъявить новое обвинение? Заключение сделки с целью уменьшения объема обвинения с последующим смягчением наказания ни в коей мере не соотносится с требованиями казахстанского законодательства. Поскольку ни прокурор, ни орган расследования не вправе искусственно уменьшать объем совершенного преступления, следовательно, и предъявляемого обвинения. В противном случае мы столкнемся с сокрытием преступления и необъективным расследованием по делу. В этой связи ни о какой сделке о согласии с предъявленным обвинением путем уменьшения объема предъявленного обвинения речь идти не может. Другое дело, когда речь идет о заключении сделки с целью смягчения наказания за совершенное преступление. Однако в этом случае какой-либо необходимости предъявлять обвиняемому новое обвинение нет, т.к. вопросы смягчения наказания входят в компетенцию судьи (суда)». [12]

Более того, наделение прокурора правом определять срок максимального наказания противоречит статье 75 Конституции РК, где указано, что

правосудие осуществляется только судом, а также положению статьи 77 Конституции РК, где указано: «Судья при отправлении правосудия независим и подчиняется только Конституции и закону. Какое-либо вмешательство в деятельность суда по отправлению правосудия недопустимо и влечет ответственность по закону». [1]

По мнению Сарсенбаева Т. «Сделка о признании вины не должна и не может посягать на принцип независимости суда. Из этого следует, что прокурор не может быть наделен полномочиями по определению срока максимального наказания, тем более, задолго до судебного разбирательства, поскольку только суд вправе признавать лицо виновным и применить к нему наказание. В противном случае судья по делам, где была заключена сделка о согласии с предъявленным обвинением, превращается в «фиксатора решения прокурора и обвиняемого» и должен лишь узаконить то, о чем они договорились. С другой стороны, такая ситуация предоставляет органам прокуратуры дополнительные функции подменять суд при отправлении правосудия, что также противоречит правовой политике нашего государства». [12]

Такого же мнения придерживаются некоторые правоприменители. Так, Мажренов Б.Б. привел пример из судебной практики, где гр. «Б» подозревался в совершении правонарушения, предусмотренного статьей 106 части 1 УК РК. Потерпевший «А» согласился с заключением процессуального соглашения, а также предложенной прокурором мерой наказания. Однако в суде потерпевший изменил свою позицию, в связи с чем суд обоснованно возвратил уголовное дело прокурору. [63]

Тем самым, указанный автор пришел к выводу, что основными причинами возврата дел из суда является несогласие с предложенной прокурором мерой наказания, поэтому даже предложил исключить пункт 8 части 1 статьи 616 УПК РК о размере наказания, о котором будет ходатайствовать прокурор перед судом.

Полагаем, что исключение права прокурора ходатайствовать перед судом о назначении согласованного с подозреваемым наказания вообще лишит всех «карт», ибо подозреваемому не останется более стимулов для заключения процессуального соглашения.

На этот вопрос у судьи Юрченко Ю.Н. имеется другая точка зрения: «В уголовном законе не предусмотрены пределы допустимых видов и размеров уголовных наказаний, которые суд может назначить подсудимому, заключившему сделку о признании вины, как это сделано в отношении неоконченных правонарушений. В связи с этим у суда есть дискреционное право не согласиться с квалификацией преступления, размером гражданского иска либо видом или размером наказания, указанным в процессуальном соглашении, и для его пере составления дело возвратить прокурору. Но какими критериями при этом руководствуется суд? Ввиду отсутствия в законе специальной нормы по этому вопросу представляется возможным

руководствоваться положениями статьи 55 УК под названием «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное уголовное правонарушение». В ней, в частности, указано, что по делам, по которым выполнены все условия процессуального соглашения, срок или размер наказания за совершенное уголовное правонарушение не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УПК.

Представляется, что суду надлежит руководствоваться частью второй статьи 55 УК, в которой указано, что при наличии смягчающего обстоятельства, не предусмотренного в качестве признака совершенного преступления, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не может превышать при совершении:

- 1) преступления небольшой или средней тяжести - половины;
- 2) тяжкого преступления - двух третей;
- 3) особо тяжкого преступления - трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК.

Суд может также применить и положения части шестой статьи 55 УК, согласно которой наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК при наличии обстоятельств, указанных в части второй настоящей статьи». [61]

Но на практике суды пошли по простому пути, применяя нормы статьи 55 по всем делам, конечно же если возмещен ущерб.

Следующим объектом настоящего исследования, который мы хотели бы осветить, является соотношение института процессуального соглашения, а точнее случаев отказа подсудимым от ранее поданного ходатайства о заключении соглашения, с принципом презумпции невиновности.

В казахстанской научной среде некоторые юристы, в частности Канафин Д.К. справедливо поднимают вопрос о том, что «наличие в деле документов о поданном ходатайстве либо заключенном процессуальном соглашении, по которому прокурором или судом отказано, может сформировать обвинительный уклон у судьи». [26] На наш взгляд это обстоятельство является одним из главных пробелов в казахстанском уголовно-процессуальном законе.

Судья Бердыгулова Ж.К. рассуждая на эту тему, отметила следующее: «Прокурор получает дело назад (из суда), проводит досудебное расследование и, уже опираясь на признательные показания в совершении более тяжкого преступления, составляет обвинительный акт и направляет дело в суд». [17]

Например, такого рода проблем в Грузии и Украине нет. Так, в соответствии со статьей 469 УПК Украины «в случае не достижения согласия относительно заключения соглашения факт ее инициирования и утверждения, сделанные с целью ее достижения, не могут рассматриваться как отказ от обвинения или как признание своей виновности». [73]

Статья 214 УПК Грузии «В случае отмены судом судебного приговора об утверждении процессуального соглашения или отказа от процессуального соглашения самого обвиняемого, не допускается использование данных обвиняемым показаний против него». [74] Коротко и ясно.

В России эту проблему решили совершенно иначе. Так, в части 2.1 статьи 317.3 УПК РФ указано, что «Прокурор разъясняет подозреваемому или обвиняемому, заявившим ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, что в случае отказа от дачи показаний в суде в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления, его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу». [75] Иначе говоря, россияне пошли по принципу «Слово не воробей, вылетит не поймаешь».

Примечательно, что на заре появления института процессуального соглашения МВД РК предлагалась норма о том, что в случае отмены судом заключения сделки или отказа от сделки самого обвиняемого не допускается использование данных подозреваемым, обвиняемым против него. [58, с.14]

Задаваясь вопросом о том, какие меры предусмотрены к осужденному в случае невыполнения условий процессуального соглашения, то уголовно-процессуальный закон Казахстана, к сожалению, не регламентирует порядок разрешения таких ситуаций.

Опять же возвращаясь к истокам обсуждения вопроса о введении процессуального соглашения в Казахстане, следует отметить очень важное на наш взгляд было предложение МВД РК о том, что «если осужденный нарушил условие сделки, прокурор вправе в месячный срок после выявления нарушения подать в вышестоящую судебную инстанцию представление об отмене приговора суда об утверждении сделки». [58, с.14]

По нашему мнению следовало подавать указанное представление в тот же самый суд, вынесший приговор. Ну а в общем идея очень хорошая.

В правоприменительной практике данный вопрос на самом деле решается достаточно просто. Отечественная практика не стала добавлять «новые правила», поэтому суды применяют положения о замене не отбытой части наказания в случае его неисполнения на более строгое.

Например, приговором Алматинского районного суда №2 города Нур-Султан гражданину «Е» в порядке согласительного производства по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст.190 ч.3 п.2 УК РК, назначено наказание в виде штрафа в размере 10-кратной суммы похищенного имущества со сроком уплаты в течение 3 месяцев. При этом, в соответствии с ч.3 ст.41 УК РК осужденному разъяснено, что в случае уклонения от уплаты штрафа, назначенного за совершение преступления, он заменяется лишением свободы из расчета один день лишения свободы за четыре месячных расчетных показателя с учетом положений настоящего Кодекса. Осужденному к кратному штрафу – лишением свободы в пределах санкции соответствующей статьи

Особенной части настоящего кодекса с учетом уплаченной и взысканной части штрафа. [25]

Далее хотелось бы рассмотреть некоторые положения Нормативного постановления Верховного суда РК №4 от 07.07.2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве».

Пункт 2 гласит, что «Соглашение о признании вины не может быть заключено, если это может отразиться на всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств, затрагивающих права и законные интересы других лиц, не являющихся сторонами по делу». Кого подразумевают под лицами, не являющихся сторонами по делу, интересы которых могут быть затронуты.

Ответ на этот вопрос в свое время дал Председатель коллегии по уголовным делам Верховного суда РК Рахметуллин А.: «Только Верховным Судом в кассационном порядке за 2017 год отменены 9 приговоров в отношении 17 лиц, которые рассмотрены в рамках процессуального соглашения. Это связано с тем, что в результате заключения сделки о признании вины, были нарушены права других третьих лиц. В последнее время усматривается практика, когда предлагается отдельным участникам заключить процессуальное соглашение в обмен на показания в отношении других лиц обвинения, выделяя дела в отдельные производства. Однако это может отразиться на полноте и объективности исследования обстоятельств, затрагивающих права других участников. Такая практика особенно чревата негативными последствиями по большим групповым делам. В ходе досудебного производства применение сделки о признании вины стало очень удобным. Доказательств по делу не надо собирать, достаточно, чтобы признали вину. И материалы направляются прокурору, чтобы он заключил процессуальное соглашение. Тем самым, есть риски, что вернемся мы к принципу "признание вины – царица доказательств". Здесь важна роль судов, которые не должны относиться формально, а должны давать принципиальную оценку законности процессуальным соглашениям, и обеспечить вышеуказанные принципы». [76]

Немало вопросов в научной среде вызывает следующая норма. Пункт 4) части 1 статьи 44 УПК РК предусматривал выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, с которым прокурором заключено процессуальное соглашение.

Постановление Верховного Суда разъясняет, что «если в ходе судебного разбирательства по уголовному делу по обвинению нескольких лиц в отношении одного из них поступило ходатайство о заключении соглашения о признании вины, то суд в соответствии со статьей 628 УПК прерывает судебное разбирательство и предоставляет сторонам разумный срок для его заключения. В случае заключения соглашения о признании вины судья в соответствии с пунктом 4) части первой статьи 44 УПК выделяет уголовное дело в отношении подсудимого, с которым заключено соглашение о признании вины, в отдельное

производство и вправе сам рассмотреть его в согласительном производстве по правилам главы 64 УПК либо направить его для рассмотрения другому судье. При выделении судом из уголовного дела в отдельное производство дела в отношении подсудимого, заключившего соглашения о признании вины, судебное разбирательство по уголовному делу в отношении других подсудимых продолжается в общем порядке». [38]

Однако на практике производство по выделенному и основному делу могут осуществлять разные следователи. Параллельное расследование одних и тех же обстоятельств может направить ход расследования уголовных дел в разных направлениях. Каждый следователь будет собирать свою доказательственную базу, что негативно скажется на полноте общей картины произошедшего преступления.

Так, по мнению Кирилова Н.П. «Располагая приговором, вынесенным в упрощенном порядке, суд может признать его имеющим преюдициальное значение при рассмотрении дела соучастников, положить в основу вынесенного им приговора. Это очень опасный путь. Возрастает риск оговора со стороны сотрудничающего со следствием лица остальных соучастников». [77]

Афанасьев С. более категоричен «Проведенное в рамках судебного заседания судебное следствие по основному делу будет бесполезным, поскольку во всех случаях его выводы не могут противоречить выводам приговора по выделенному делу. Подсудимые по основному делу будут осуждены на основании доказательств, добытых следствием и не проверенных в судебном заседании, но получивших качество преюдициальных. Суд, рассматривающий основное дело, согласившись с позицией защиты, не сможет принять оправдывающие доводы, так как связан преюдицией предыдущего приговора. Следовательно, рассмотрение основного дела превращается в формальность. Несмотря на то, что лица, привлекаемые к ответственности по уголовному делу, в приговоре по выделенному делу будут называться «неустановленными лицами» (прим.автора – либо под условными номерами 1,2 и т.д.) суду, рассматривающему их дело, не останется ничего другого, как расставить фамилии осужденных в приговоре ...». [78]

Однако 12 июля 2018 года Законом №180-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов» оговорено, что выделение уголовного дела допускается только по соглашениям в форме сотрудничества.

Данная норма поставила точку в вопросе выделения в отдельное производство уголовных дел с процессуальным соглашением в форме сделки о признании вины. При этом по истечении почти двух лет в Нормативное постановление не было внесено соответствующих изменений.

Спорным выглядит ситуация, указанная в пункте 15 о том, что если подсудимый, воспользовавшись в суде своим правом, отказался от

заключенного соглашения о признании вины, то суд в соответствии с пунктом 1) части первой статьи 626 УПК возвращает уголовное дело прокурору для производства досудебного расследования в общем порядке.

Например, согласно пункту 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» в случае, если подсудимый не согласен с предъявленным обвинением, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке. [79]

Понятно, что виды сравниваемых соглашений являются разными. Видимо по этой причине наша судебная система пошла по пути возвращения уголовного дела прокурору для производства досудебного расследования в общем порядке, потому что направление в суд уголовного дела с процессуальным соглашением о сотрудничестве не подразумевает упрощенный порядок досудебного расследования.

Еще один аспект, заслуживающим пристального внимания, о котором указала Бердыгулова Ж.К., является то, что «Несмотря на двусторонний характер соглашения, никаких обязательств стороны обвинения в нем нет. При заключении процессуального соглашения, прокурор будет вправе лишь просить суд рассмотреть уголовное дело в особом порядке. Каких-либо реальных льгот обвиняемому он обещать не уполномочен. Вдобавок к этому суд может вернуть уголовное дело прокурору ввиду отсутствия оснований применения согласительного производства, для заключения нового процессуального соглашения, либо вообще отказать в рассмотрении дела в порядке согласительного производства и вернуть дело прокурору в случае возникновения сомнений в виновности подсудимого». [17]

Возникает вопрос имеет ли смысл обвиняемому идти на процессуальное соглашение, если имеется альтернатива в виде деятельного раскаяния и примирения сторон.

Судья Юрченко Р.Н. отмечает, что «сам обвиняемый в результате заключения процессуального соглашения в форме сделки о признании вины получает определенные преференции.

Во-первых, в процессуальном соглашении должно содержаться согласованное сторонами сделки описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с положениями УПК, и указана его юридическая квалификация, т.е. определяются пределы обвинения, подлежащего рассмотрению в суде.

Во-вторых, приводятся смягчающие уголовную ответственность и наказание обстоятельства, которые суд должен учесть при вынесении приговора, и делается упор на возможность применения норм уголовного закона, предусматривающих назначение менее строгого наказания.

В - третьих, процедура рассмотрения дела в рамках согласительного производства избавляет подсудимого от нелюбопытного публичного объяснения обстоятельств, причин совершения им преступления, т.к. его допрос в суде не предусмотрен, от выслушивания в свой адрес отрицательных уличающих показаний потерпевших и свидетелей обвинения, т.к. они в судебное заседание вообще не вызываются, от необходимости доказывать пределы обвинения и его юридическую оценку, т.к. это все уже решено в процессуальном соглашении, ну и возможность свое участие в деле завершить в более сжатые сроки, чем при обычном судопроизводстве. С этим связаны и менее значительные размеры процессуальных издержек, которые могут быть возложены на него.

И самое главное заключается в том, что суд в обвинительном приговоре вопросы назначения уголовного наказания и решение по гражданскому иску согласовывает с процессуальным соглашением, не вправе назначить более строгое наказание или взыскать с подсудимого большую сумму в пользу потерпевшего, чем это предусмотрено в процессуальном соглашении». [61]

Отдельно хотелось бы остановиться на коллективной работе авторов Ахпанова А.Н. и Казиева З.Г. о проблемах процессуальных соглашений и предложений по совершенствованию, в которой указано следующее: [51]

1) Процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины регламентирует ситуации только с одним лицом, тогда как в правоприменительной практике нередки случаи совершения преступлений в составе групп. Например, лицо задержано за создание и руководство преступной группой, который, однако, дает показания, что он лишь пособник и настоящий организатор скрылся, после чего воспользовавшись процессуальным соглашением, получает менее суровое наказание.

В связи с чем, предлагают ввести обязательное согласие всех соучастников преступления путем изменения редакции статьи 612 УПК РК в таком варианте *«Процессуальное соглашение не может быть заключено с лицом, совершившим уголовное правонарушение в соучастии, если хотя бы от одного из соучастников не получено согласие о заключении процессуального соглашения ...»*

Ну, во-первых, если нет прямой регламентации применения сделки о признании вины по групповым преступлениям, то это не означает ее отсутствие вообще. По аналогии, в УПК не прописано, что одно лицо не может иметь два статуса по одному уголовному делу (эпизоду делу), однако это неоспоримая истина. На практике по групповым преступлениям при изъявлении желания некоторых соучастников на заключение сделки о признании вины соглашение может быть заключено со всеми желающими.

Во-вторых, получить согласие соучастников преступления, которые отрицают свою причастность, будет просто невозможно, ведь это «автоматически утопит их». Заранее смеем предположить, что данное предложение будет «мертворожденным».

В-третьих, в предлагаемой редакции статьи 612 УПК не конкретизирован вид процессуального соглашения. Таким образом, указанная редакция будет полностью противоречить цели процессуального соглашения в форме сотрудничества, которое как раз-таки направлено на изобличение соучастников.

2) Предложено дополнить статью 615 УПК РК регламентацией действий суда при заявлении обвиняемым/подсудимым желания заключить процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины в судебной стадии. Действующая редакция не указывает как должен поступить суд, если намерение заключить сделку заявлено в ходе главного судебного разбирательства – приостанавливать судебное разбирательство или выделять дело в отношении данного подсудимого в отдельное производство, а в отношении остальных подсудимых – продолжать рассмотрение дела по существу.

Данный вопрос рассмотрен нами в настоящем диссертационном исследовании. Так, в соответствии с пунктом 8 Нормативного Постановления Верховного Суда №4 от 07.07.2016г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве»: «если в ходе судебного разбирательства по уголовному делу по обвинению нескольких лиц в отношении одного из них поступило ходатайство о заключении соглашения о признании вины, то суд в соответствии со статьей 628 УПК прерывает судебное разбирательство и предоставляет сторонам разумный срок для его заключения. В случае заключения соглашения о признании вины судья в соответствии с пунктом 4) части первой статьи 44 УПК выделяет уголовное дело в отношении подсудимого, с которым заключено соглашение о признании вины, в отдельное производство и вправе сам рассмотреть его в согласительном производстве по правилам главы 64 УПК либо направить его для рассмотрения другому судье». [38]

3) Предложено распространить применение процессуальных соглашений в форме сделки о признании вины на уголовные проступки, совершенные в совокупности с другими преступлениями.

В соответствии со статьями 13 и 43 УК законодатель предусматривает совокупность уголовных правонарушений (проступков и преступлений) и их соединение в одно производство при расследовании уголовных дел. При этом, статьей 44 УПК выделение материалов уголовного дела в отдельное производство допустимо лишь в 4 случаях, которые не предусматривают разделение и проступка, в связи с заключением процессуального соглашения в форме сделки о признании вины по преступлению. Тем самым, указанные проблемы лишают подозреваемого возможности воспользоваться правом заключения процессуального соглашения.

Поддерживаем данное предложение, так как действительно в правоприменительной практике встречаются уголовные дела, содержащие

совокупность преступлений и проступков, разделить которые представляется достаточно сложным и нецелесообразным.

4) Предложено категорию тяжких преступлений исключить из пункта 1) статьи 612 УПК РК, т.е. из процессуального соглашения в форме сделки о признании вины.

Данное предложение обосновывается российским опытом, где особый порядок рассмотрения уголовных дел массово распространился на тяжкие преступления и составляет до 70% всех обвинительных приговоров, что явилось причиной низкого качества расследования уголовных дел, снижения профессионализма следователей, прокуроров и судей, увеличения судебных ошибок, низкого процента оправдательных приговоров.

Конечно хорошо, что наши коллеги отслеживают зарубежный опыт, но правоприменительная практика в наших странах по данному вопросу кардинально различна. Об этом свидетельствуют статистические данные, приведенные этими же авторами. Так, в 2015 году из оконченных производством 129 086 уголовных дел только 4104 (3,18%) окончены в форме процессуального соглашения в форме сделки о признании вины; в 2016 году из 369881 – 2252 (0,6%); в 2017 году из 142378 – 3908 (2,74%); в 2018 году из 127881 – 2166 (1,69%), при этом доля тяжких преступлений и того меньше. Таким образом, говорить о том, что в Казахстане процессуальные соглашения по тяжким преступлениям могут привести к последствиям, аналогичным российским, как минимум преждевременно.

5) По утверждению указанных авторов в Казахстане соглашение о признании вины возможно заключить только по преступлениям, наносящим вред конкретному лицу, т.е. обязательное наличие потерпевшего. В связи с чем, предлагают распространить применение сделок о признании вины на преступления при отсутствии потерпевшего, но причиняющим вред охраняемым законам интересам общества и государства, таким как незаконный оборот наркотиков, против интересов государственной службы и госуправления и т.д.

Иначе как «абсурдом» это не назовешь. Достаточно взглянуть на статистику по таким преступлениям как статьи 296, 297, 366 УК РК и т.д., ознакомиться с приговорами судов и станет ясно, что процессуальные соглашения по делам такой категории заключаются.

Более того, пункт 12 вышеуказанного Нормативного постановления Верховного суда РК №4 от 07.07.2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве» разъясняет, что «Соглашение о признании вины может быть заключено и при отсутствии по уголовному делу потерпевшего – физического или юридического лица (к примеру, по делам о незаконном обороте наркотических средств и тому подобное)».

6) Предложена более подробная регламентация механизма переговорного процесса между участниками заключаемого соглашения (условия, сроки, основания отказа, порядок, сроки обжалования и др.).

Абсолютное верное предложение, так как неясность в таких вопросах может порождать коррупционные риски, разночтения и различную правоприменительную практику.

7) Предложено ввести срок рассмотрения прокурором ходатайства подозреваемого, обвиняемого, подсудимого о заключении процессуального соглашения в форме сделки о признании вины, а также ввести критерии отказа прокурором от заключения сделки о признании вины.

Относительно недавно 27 декабря 2019 года Законом РК № 292-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности» в часть 4 статьи 615 УПК РК внесены изменения о том, что «Решение по ходатайству о заключении процессуального соглашения о признании вины принимается в течение семи суток с момента поступления уголовного дела в прокуратуру».

8) Предложено органам уголовного преследования запретить использовать признательные показания подозреваемого при последующем его отказе от сделки о признании вины, а также другие доказательства, добытые при помощи его признательных показаний.

Кроме того, в случае отказа от сделки прокурором у подсудимого отсутствует право просить суд рассмотреть причины такого отказа и снижения наказания.

Данное предложение весьма важно, так как изначально подозреваемый давая признательные показания, действовал так, рассчитывая на снисходительные условия к нему в рамках соглашения. Если же сделка в итоге не дошла до своего логического завершения по тем или иным обстоятельствам, справедливо было бы «убрать» из дела ранее данные признательные показания, т.е. нет соглашения – нет показаний.

Закончить мы бы хотели словами Бердыгуловой Ж.Ж. о том, что «несмотря на имеющиеся недостатки института процессуального соглашения подозреваемому и обвиняемому есть практический смысл заключать такое соглашение и рассчитывать на то, что мера наказания ему будет снижена либо он вообще будет освобожден от уголовной ответственности (в определенных случаях). Так, если суд сочтет досудебное соглашение соответствующим закону и в должной мере исполненным, то мера наказания обязательно будет значительно более мягкой». [17]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторически сложилось так, что в определенный промежуток времени в отечественном уголовном судопроизводстве признание обвиняемым своей вины расценивалось в качестве решающего доказательства по делу. Преувеличение его значения привело к появлению такого термина как «царица доказательств» и перегибам уголовной политики, поэтому к признанию вины как источника доказательств отношение в обществе по сей день настороженное.

Вся советская система уголовного судопроизводства стояла на твердой позиции недопустимости «сговора» государственных органов с подсудимым. Это было особенно актуально после ране советских репрессий.

Но все это скорее исключение из правил, а не норма. Наоборот договаривались всегда. Власть всегда предоставляла послабления в наказании взамен на признание вины.

Элементы современного института процессуальных соглашений в Казахстане существовали и ранее. Это освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим и смягчение наказаний, где также имеются требования о признании вины, возмещение ущерба и т.д.

При этом использование в казахстанском законодательстве опыта зарубежных стран следует оценивать положительно. Право должно развиваться «в ногу со временем», чтобы обеспечивать потребности общества.

При этом необходимо учитывать, что перенимая зарубежный опыт наше нормотворчество не должно использовать метод «копирки», а должно учитывать складывающуюся систему уголовной политики Казахстана.

Поэтому в современных условиях новое мышление настоятельно требует перехода от конфронтации к поиску согласия, от подавления к плюрализму, от насилия к консенсусу. Государство и право должны выступать как орудие и средство согласия, компромисса, уступок, орудием снятия общественных противоречий, но не как средства насилия, подчинения, слома и уничтожения. Признание в современном цивилизованном государстве и праве орудий социального компромисса не означает, что в нынешнем обществе отсутствуют социальные противоречия. Будучи орудием социального компромисса государство, тем не менее, не может отказаться от принуждения. Сторонники такого подхода, не отрицая присущих государству таких функций как подавление, все же на первый план выдвигают задачи достижения согласия, общественного компромисса. [80]

При проведении исследования мы попытались осмыслить все положительные и отрицательные стороны института процессуального соглашения в форме сделки о признании вины. Несомненно, при наличии многих противоречий, процессуальное соглашение имеет гораздо больше преимуществ, чем недостатков, причем для всех участников уголовного процесса.

В самих согласительных процедурах в первую очередь необходимо учитывать фактор «диалога сторон», при котором стороны от противостояния переходят на новый этап, добиваясь взаимовыгодного решения.

Процессуальное соглашение о признании вины позволяет ускорить досудебное производство по уголовному делу, упростить судебное разбирательство, сократить промежуток времени между началом досудебного расследования и принятием итогового процессуального решения.

Естественно, есть и «обратная сторона медали». Так, в результате заключения соглашения могут быть установлены далеко не все юридически значимые обстоятельства совершения преступления. Существует риск, что суд в подобных случаях чаще всего не будет стремиться глубоко вникать в суть дела, удовлетворяясь формальным признанием вины со стороны подсудимого и возможностью без лишних затяжек вынести приговор.

В юридической науке зачастую высказывается мнение, что институт процессуальных соглашений несет риск самооговора обвиняемого, вызванного стремлением лиц, ведущих уголовный процесс, получить от него признание «любой ценой».

Стоит отметить, что этим доводом не воспользовался наверно только ленивый. Складывается такое ощущение, что подозреваемые такие «бедные и наивные», которые не понимают в чем их подозревают и не могут отказать «злым сотрудникам правоохранительных органов», и поэтому соглашаются с незаконным обвинением.

«Страшилки» о том, что в наших правоохранительных органах всех невиновных заставляют взять вину на себя, являются по меньшей мере субъективными, а фактически популизмом. И это несмотря на то, что в Казахстане соглашение хоть и называется «В форме сделки о признании вины», но в УПК РК отсутствует требование о признании подозреваемым своей вины как таковой.

Как показывает практика, ходатайства о заключении процессуального соглашения от подозреваемого, обвиняемого в основном поступают, когда наличие доказательственной базы позволяет сделать вывод о его виновности. Это свидетельствует о том, что данное лицо приходит к умозаключению, что уголовное дело все же дойдет до своего логического конца и вопрос о наказании становится лишь вопросом времени.

Однако сам факт признания вины не может быть просто изъят из уголовного дела, поэтому полагаем, что лицо должно признать именно вину, поскольку она отражает психическое отношение лица к совершенному преступлению.

Говоря о коррупциогенности процессуального соглашения на ум приходит следующая параллель. В свое время, когда в Казахстане впервые внедрялся новый вид наказания за взяточничество в виде кратного штрафа, законодатели, в том числе и сами правоохранительные органы, столкнулись с не понимаем части населения, т.е. с отрицанием нововведения. Стали говорить

о «продажности», «откупе от наказания» и т.п. У многих людей слова «судимость», «осужден» ассоциируется только с лишением свободы, поэтому на вопрос «Осужден ли человек?» они отвечают «Нет, условно получил». Однако, если посмотреть на социальный портрет того же коррупционера, то это среднестатистический гражданин нашей страны, и государство лишая его доступа к государственной службе автоматически нейтрализует всю его коррупционную составляющую. По таким делам уже не будет рецидива, как по общеуголовным, бытовым и другим видам преступлений.

Такое же отношение и к процессуальному соглашению. Говорят «Договорились», «Заклучили сделку». Словно это что то незаконное, аморальное. Хотя договаривались и раньше, и даже всегда. Все эти институты освобождения от уголовной ответственности, смягчения наказания и т.д. Поэтому возникает вопрос «Что раньше отечественные правоохранительные органы могли предложить подозреваемому взамен на признание вины и содействие следствию?» – Только неопределенное смягчение наказания при вынесении приговора. А какое именно? Процессуальное соглашение же упорядочило эти взаимоотношения между прокурором и подозреваемым. Теперь каждая сторона выполняет взаимные обязательства взамен на встречные уступки.

Однако, во избежание аналогичных недоразумений следует признать, что УПК РК не регламентирует в какой форме фиксируется беседа прокурора со сторонами, почему при этом не ведется протокол, если стороны не согласны с одним из условий, как фиксируется их замечание. Конечно некоторые высказывают, мол обсуждение условий соглашения это не следственное действие и поэтому нет необходимости ведения протокола. Однако такая позиция играет не в пользу уголовной политики государства.

Сюда же можно отнести вопрос недостаточного нормативного регулирования вопроса отказов прокурорами в заключении процессуальных соглашений.

По имеющейся статистике видно лишь количество отказов, однако причины не известны.

Данную проблему необходимо решить путем внесения соответствующих изменений в УПК РК либо разработки соответствующей инструкции.

Следующим моментом, требующим внесения изменений, является то, что обвиняемый и подсудимый, прошедшие через полноценное досудебное расследование и принимая решение о заключении или не заключении процессуального соглашения, имеют на руках копию всего уголовного дела и знают всю картину исходя из данных обвинения и опираясь на свое собственное мнение. Что не скажешь о подозреваемых, перед которыми стоит дилемма о выборе пути дальнейшего движения. Еще большую неопределенность вносит тот факт, что УПК РК не содержит требования о возможности подозреваемого, заключившего процессуальное соглашение о признании вины, ознакомиться с материалами уголовного дела. Более того, в

судебном разбирательстве дела в согласительном производстве суд полноценную оценку собранных по делу доказательств не проводит.

Так, часть 4 статьи 617 УПК РК предусматривает, что прокурор, подписывая процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины, направляет уголовное дело в суд без обвинительного акта. Данное обстоятельство исключает стадию ознакомления с материалами уголовного дела как обвиняемым, так и потерпевшим.

В этой связи, во избежание возможных рисков в виде отказа подсудимого или потерпевшего от ранее заключенного процессуального соглашения по причине незнания всех обстоятельств дела следует предусмотреть обязательное ознакомление подозреваемого с материалами дела.

Одним из главных минусов отечественного варианта процессуального соглашения является тот факт, что наличие в деле документов о ранее поданном ходатайстве о заключении процессуального соглашения, которое однако впоследствии было отозвано самим подозреваемым либо отклонено прокурором, может сформировать обвинительный уклон у судьи.

Так, изначально, подозреваемый давая признательные показания, рассчитывал на снисходительные условия к нему в рамках соглашения. Если же сделка в итоге не дошла до своего логического завершения по тем или иным обстоятельствам (отказ любой из сторон), справедливо было бы «убрать» из дела ранее данные признательные показания, т.е. нет соглашения – нет показаний.

Например, в США в случае отклонения соглашения суд рассматривает дело по существу и ... разъясняет обвиняемому право отозвать свое заявление о виновности/ о неоспаривании вины. Если обвиняемый отказался отозвать свои признательные показания, то эти показания останутся в деле и при рассмотрении по существу будут учтены.

В Германии при отказе от соглашения, признание подсудимого не может быть использовано судом.

И последним моментом настоящего исследования является – применение статьи 67 УК РК. Так, часть 1 статьи 36 УПК РК гласит, что «Орган уголовного преследования (т.е. на стадии досудебного производства), суд при наличии соответствующих обстоятельств в пределах своей компетенции вправе прекратить уголовное преследование с освобождением лица от уголовной ответственности», в том числе по статье 67 УК РК (Освобождение от уголовной ответственности при выполнении условий процессуального соглашения).

Однако пункт 30 Нормативного постановления Верховного Суда №4 от 7 июля 2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве» гласит, что «дело с ходатайством прокурора в отношении осужденного лица, заключившего процессуальное соглашение о сотрудничестве и выполнившего его условия, не может быть рассмотрено в согласительном производстве, а подлежит рассмотрению в порядке исполнения приговора в соответствии со статьями 476, 477 и 478 УПК». [38]

Из этого следует, что орган уголовного преследования никак не может освободить лицо от уголовной ответственности в связи с выполнением условий процессуального соглашения. Освободить может только суд, при этом от дальнейшего отбывания наказания.

Пунктом 25 этого же Нормативного постановления определено, что ст.67 УК РК применима лишь к лицу, заключившему процессуальное соглашение о сотрудничестве, при условии выполнения им всех условий соглашения.

Однако, при анализе данных правовой статистики установлено, что в 2017 году всего по РК заключено 5 процессуальных соглашений в форме соглашения о сотрудничестве. При этом, в этот же период органами уголовного преследования по ст.67 УК РК прекращено 186 уголовных дел; в 2018 году 5 против 44. Аналогичная ситуация и по другим периодам.

Более того, при выборочном изучении постановлений о прекращении уголовных дел установлено, что фактически они были прекращены за примирением сторон, т.е. по ст.ст.35 ч.1 п.12 УПК РК – ст.68 УК РК.

В этой связи предлагается рассмотреть вопрос о внесении изменений и дополнений в действующую редакцию ст.67 УК РК и ее изложения в следующем виде:

«Статья 67 УК РК. Освобождение от наказания при выполнении условий процессуального соглашения в форме сотрудничества.

Часть 1. Лицо, выполнившее все условия процессуального соглашения в форме сотрудничества может быть освобождено судом от наказания.

Часть 2. (без изменений)».

На практике все досудебное производство и сам судебный процесс должны быть, в конечном счете, нацелены на более полное и всестороннее соблюдение прав участников процесса. Экономия ресурсов и быстрота производства не могут служить самоцелью, если не могут быть гарантированы основные процессуальные права. Механизм выполнения этих гарантий должен быть предельно ясен и детально разработан, чтобы избежать любых нарушений.

В завершении хотелось бы сказать, что споры о плюсах и минусах процессуального соглашения в форме сделки о признании вины продолжают и по сей день, однако новые теории побеждают не потому, что они ближе к истине, а скорее всего точнее и глубже отражают объективную реальность.

В общем «теория дифференциации процессуальной формы не исключает возможности развития уголовного судопроизводства в сторону создания новых институтов, направленных на оптимизацию уголовно-процессуальной деятельности, не в ущерб правам человека и стандартам справедливого правосудия. Жизнь многообразна в своих проявлениях. Правоприменительная деятельность по уголовным делам не только охватывает собой самые различные варианты криминального поведения людей, но и сталкивается в последующем с необходимостью эффективного урегулирования возникших таким образом уголовно-правовых конфликтов. Очевидно, что в каждом случае

присутствует уникальное стечение жизненных обстоятельств, которым далеко не всегда может соответствовать единая унифицированная уголовно-процессуальная форма.

Из этой посылки, естественным образом проистекает вывод о том, что процедура уголовного судопроизводства должна быть многовариантной, дифференцированной, то есть приспособленной, хотя бы к наиболее часто случающимся ситуациям при расследовании и судебном разрешении уголовных дел. Общий тренд судебно-правовой реформы, состоящий во внедрении все новых и новых процессуальных форм в структуру уголовного судопроизводства, подтверждает этот вывод. Следует отметить, что ситуации, когда стороны в уголовном процессе готовы к определенному компромиссу по поводу объема обвинения и размеров наказания, случаются достаточно часто. С точки зрения разумного администрирования уголовного судопроизводства, было бы неправильным игнорировать потребность в соответствующей процедуре. Вместе с тем, эта процедура должна соответствовать определенным достаточно суровым стандартам обеспечения прав человека и принципов справедливого уголовного процесса». [4]

Только при учете всех вышеперечисленных факторов введение сделок о признании вины поможет избежать ряда имеющих место негативных моментов в уголовном процессе и появления новых проблем.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1996 г., N 4, ст. 217.
2. Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 года, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года №858 // "Казахстанская правда" от 27.08.2009 г., № 205 (25949).
3. Шнайдер Г.Й. Криминология // М.: Изд.группа «Прогресс» - «Универ», 1994. – 368с.
4. Статья Алматинской городской коллегии адвокатов. К вопросу о внедрении в уголовное судопроизводство института соглашения о признании вины <http://www.agka.kz>.
5. Джекебаев У.С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы легализации сделок о признании вины // Научный доклад. КазГЮУ, 2002.
6. Мырзалиев А.Б. «Институт процессуального соглашения Республики Казахстан» // Диссертация на соискание степени магистр права. Академия правоохранительных органов ГП РК, 2019.
7. Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории государства и права. М.1980. С.167-169.
8. Ергашев Е. Правовая регламентация института, по которому заключено процессуальное соглашение в уголовном процессе Казахстана и России // Республиканский научно-практический журнал Фемида. №6 (258) 2017. С.16-17.
9. Джансараева Р.Е. Сделки о признании вины: сравнительный анализ законодательства // Материалы международной конференции «Судебное разбирательство в странах Центральной Азии между инквизиционной и состязательной моделью». Сентябрь 2011г. С.5.
10. Кененбаев Е.А. О плюсах и минусах введения института сделки о признании вины // <https://www.zakon.kz/4521797-o-pljusakh-i-minusakh-vvedeniya.html>
11. Х.Ц. Рустамов. Уголовный процесс. Формы. М., 1998. С. 83; Калиновский К. Б. Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии. Юридическая мысль. Изд-во Юридического института (С-Петербург). 2002. № 1. С. 118.
12. Сарсенбаев Т. Сделка о признании вины в уголовном процессе РК // <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1233363>
13. Бычкова С.Ф. Перспективы введения медиации в Казахстане // Материалы круглого стола по вопросам внедрения медиации в Казахстане. 17-18 сентября 2009 г.
14. Сарсенбаева Б.Б. Сделка о признании вины в уголовном судопроизводстве. Автореферат. Алматы-2009г.

15. Маткина Д.В. Договорная (конвенциальная) форма доказывания социальная умиротворения сторон уголовно-правового конфликта // В мире Научных открытий, 2010 №2-2.
16. Шамшикашвили Ц.А. Медиация как инвестиция в развитие правовой культуры” Магнат; 2012; №6. С.38 // <https://publikacia.net/archive/2017/5/2/12>.
17. Бердыгулова Ж.К. Проблемные вопросы, возникающие при заключении процессуальных соглашений // <http://akm.sud.kz/rus/content/problemnye-voprosy-voznikayushchie-pri-zaklyuchenii-processualnyh-soglasheniy>.
18. Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших. Российская юстиция. 2001. № 5.
19. Великий Д.П. Особый порядок судебного разбирательства: теория и практика // Журнал российского права, 2005. №6.
20. Петрухин И.Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету. Российская юстиция, 2001. № 5; Судебная власть. Под ред. И. Л. Петрухина. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С. 190.
21. Барабанов П.К. Соглашения в немецком уголовном процессе. / <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/1142>.
22. Берсугурова Л.Ш. О процессуальных аспектах заключения соглашения о сделке // Казахстанская криминологическая ассоциация №3(43) 2012. С.19-21.
23. Абдрашев Р.М. Введение в отечественное право «сделки о признании вины»: за или против? // Материалы круглого стола – Сделка о признании вины в рамках новой модели УПК РК, 2012.
24. Прокопова А.А. Процессуальное соглашение о признании вины в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: каких целей оно достигает? // <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnoe-soglashenie-o-priznanii-viny-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-respubliki-kazahstan-kakih-tseley-ono-dostigaet>.
25. Судебный кабинет Верховного суда РК. <https://office.sud.kz/lawsuit/>
26. Канафин Д.К. Институт процессуальных соглашений и международные стандарты справедливого уголовного процесса // <http://lprc.kz/files/library/>.
27. Конин В.В. доказывание в уголовном судопроизводстве и вопросы установления истины. / Российский судья. №9.2008.
28. Андросенко Н.В. Признание лицом своей вины в совершении преступления и его правовые последствия. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук // https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004107133.pdf.
29. Исмаилов Б.И. Теоретические аспекты использования институтов ускоренного порядка рассмотрения дел и «Сделок о признании вины» в правоприменительной практике зарубежных государств // https://library.by/portalus/modules/medecine/referat_readme.php?subaction=showfull&id=1183903491&archive=&start_from=&ucat=&.

30. Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии): учебное пособие. М, 1988, 208с.
31. Волеводз А.Г., Литвишко П.А. Институт коронного свидетеля: краткий сравнительный анализ законодательства некоторых государств Европы и России // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №2 (17). С.226-234.
32. Козлова Н. Сделка с правосудием // Российская газета. Федеральный выпуск №4947 (123) 8 июля 2009.
33. Головкин Л.В. Анализ концептуальных положений проекта Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам дальнейшего реформирования уголовного процесса» // <http://zakon.kz/4480136-analiz-konceptualnykh-polozhenijj>.
34. Машленко И.Ф. Понятие допустимости доказательств в уголовном процессе США. Проблемы совершенствования советского законодательства. М. ВНИИСЗ. 1988. Вып.39.
35. Тиссен О.П. Plea bargaining в американском уголовном судопроизводстве // <http://www.konspekt.biz/index.php?text=55546>.
36. Сайт судов США (United States courts) http://uscourts.gov/sites/default/files/data_tables/stij_d4_1231.2016.pdf
37. Federal Rules of Criminal Procedure <https://www.federalrulesofcriminalprocedure.org/title-iv/rule-11-pleas/>
38. Нормативное постановление Верховного суда РК №4 от 07.07.2016 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве» // "Казахстанская правда" от 21.07.2016 г., № 138 (28264).
39. Ализаде В.А., Волеводз А.Г. Правовой институт сделки о признании вины в уголовном процессе США. Уголовное и уголовно-процессуальное право зарубежных государств №2/2018. С.22.
40. Federal Rules of Evidens. <https://www.rulesofevidens.org/>
41. Пешков М.А. Правовое регулирование и практика применения «сделки о признании вины» в уголовном процессе США // Юрист – 1998, №6, с.57.
42. Бирюков П.Н., Жданов И.Н. Назначение наказания при заключении сделки о признании вины в США // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. №2. С.164-175.
43. Davis J.R. Criminal Justice in New York City. 1990. P5 (цит по: Пономаренко С.С. Сделки о признании вины в российском уголовном процессе // Правоведение. 2001. №5 с.131-135.
44. Шамордин А.А., Бурсакова М.С. К вопросу о правовой природе особого порядка судебного разбирательства и проблемах его совершенствования // Российский судья. – 2005. - №10.
45. Бойльке В. Уголовно-процессуальное право / В. Бойльке. Гейдельберг, Мюнхен, Ландсберг, Фрехен, Гамбург, 2010. 407 с.
46. Барабанов П.К. Соглашения в немецком уголовном процессе. / <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--plai/article/1142>.

47. Джансараева Р.Е. Сделки о признании вины: сравнительный анализ // Материалы круглого стола – Сделка о признании вины в рамках новой модели УПК РК, 2012.
48. Уголовный кодекс ФРГ. <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-%D1%84%D1%80%D0%B3.html>
49. Хегер М. Уголовно-процессуальное право / М. Хегер. Штутгарт, 2013. 188с.
50. Мухаметжанов А.О. Выступление помощника Генерального прокурора РК // Материалы круглого стола – Сделка о признании вины в рамках новой модели УПК РК, 2012.
51. Ахпанов А.Н., Казиев З.Г. Сделки с правосудием в уголовном процессе зарубежных стран: общий сравнительный анализ применения в англосаксонской и континентальной системах права / Пути совершенствования уголовной политики Республики Казахстан.
52. Тейман Стивен. Сделки о признании или сокращенные формы судопроизводства: по какому пойдет Россия. Российская юстиция 1998 №10-11.
53. Кремнев К.К. Разъяснение законодательства: Особый порядок судебного разбирательства по уголовному делу // <https://sao.mos.ru/news/news/detail/1034890.html>
54. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
55. Постановление пленум Верховного суда Российской Федерации №60 от 5 декабря 2006 года «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64549/
56. Бахновский А.В. «Сделка с правосудием»: Особенности англосаксонской и континентальной правовой традиции». // <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1335001>
57. Закон Республики Казахстан от 3 декабря 2009 года № 180-VI «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан по вопросам упрощенного досудебного производства» / "Казахстанская правда" от 12.12.2009 г., № 293 (26037).
58. Кененбаев Е.А. Выступление Вице-министра МВД РК // Материалы круглого стола – Сделка о признании вины в рамках новой модели УПК РК, 2012.
59. Тулеуова М.Е. Проблемные аспекты заключения процессуальных соглашений. Вестник Академии правоохранительных органов.
60. Lupinskaya P.A., Voskobitova L.A. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Москва: Норма : ИНФРАМ, 2020. // <https://znanium.com/catalog/product/1073435>.

61. Юрченко Р.Н. Процессуальные соглашения и законодательное поощрение их заключения / <https://www.zakon.kz/4693063-processualnye-soglashenija-i.html>.
62. Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности» от 27 декабря 2019 года № 292-VI ЗРК. "Казахстанская правда" от 31.12.2019 г., № 250 (29127).
63. Мажренов Б.Б. Соглашение о признании вины – новелла Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации №2 (52) 2016. С.99-102.
64. Беляева И.М. Правовое положение и права потерпевшего в сделке о признании вины по уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан. // <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-i-prava-poterpevshego-v-sdelke-o-priznanii-viny-po-ugolovno-protsessualnomu-zakonodatelstvu-respubliki-kazahstan>
65. Галиев Б.Б. Процессуальное соглашение как основание освобождения от уголовной ответственности по УК РК 2014 года. Проблемы права №3 (51). Журнал. 2015. С.146-151.
66. Аликперов, Х. Д. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности / Х. Д. Аликперов, К. Ш. Курбанова // Государство и право. 2000. № 1. С. 54-60.
67. Васяев А.А. Сделка с правосудием или сделка с обвинением // justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=324
68. Закон Республики Казахстан от 9 апреля 2016 № 501-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты прав ребенка».
69. Закон Республики Казахстан от 12 июля 2018 года № 180-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов».
70. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V.
71. Галиев Б.Б. Принципиальность и компромиссность в вопросах борьбы с организованной преступностью // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №29 (283). С.71-74.
72. Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшего совершенствования системы государственного управления» № 248-V от 7 ноября 2014 года. "Казахстанская правда" от 08.11.2014 г., № 219 (27840).
73. Уголовно-процессуальный кодекс Украины / https://kodeksy.com.ua/ka/ugolovno_protseualnij_kodeks_ukraini.htm

74. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии /
<https://www.matsne.gov.ge/ru/document/download/90034/37/ru/pdf>
75. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации /
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
76. Рахметулин А. Мягкими наказаниями за сделку о признании вины недовольны в ВС РК. <https://mail.kz/ru/news/kz-news/myagkimi-nakazaniyami-za-sdelku-o-priznanii-viny-nedovolny-v-vs-rk#hcq=V0iBdYr>.
77. Кирилов Н.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве и проблемы доказывания в суде. Глагол правосудия. №1. 2010.
78. Афанасьев С. Преюдиция или процессуальный капкан. URL:
<http://www.iaaj.net/node/>.
79. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 16 г. Москва "О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве".
80. Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994. С.49-50.